РАСУЛ ХIАМЗАТОВ

ТIАСА РИЩАРАЛ КУЧIДУЛ

PROGRESS PUBLISHERS
MOSCOW

RASUL GAMZATOV

SELECTED POEMS

Translated by *Peter Tempest*
Designed by *Grigory Dotsman*
Translated from the Avar into Russian
by *Naum Grebnev* and *Yakov Kozlovsky*

РАСУЛ ГАМЗАТОВ
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
На русском и английском языках

First printing 1974
Second printing 1976

Printed in the Union of Soviet Socialist Republics

Г $\frac{70403-823}{014(01)-76}$ без объявл.

CONTENTS

Inscriptions

Octaves

FOREWORD

A FEW WORDS ABOUT MYSELF

Poets write books to tell other people about "themselves and their time", about the innermost stirrings of their soul, to communicate their thoughts and feelings. Poets are probably the most generous people on earth. They give away what they treasure and prize most of all. Russian poets—from Pushkin to Tvardovsky—have given me the history, destiny and soul of Russia, Shevchenko and Rylsky—the griefs and joys of the Ukraine, Rustaveli and Leonidze—the tenderness and toughness of Georgia. I am grateful to Armenia's Isaakian for bequeathing to me, an Avar, Lake Sevan's shimmering blue and the snowy summits of Mount Ararat. When I visited Kabardino-Balkaria, Kaisyn Kuliev told me: "I give you Elbrus and the Chegem gorge where I was born" Poets of different lands and epochs, of different nations and peoples have brought to my own mountain village the sky and soil of Spain, the tunes and hues of Italy, the prayers and vows of India, the truth and beauty of France.

I have been fortunate. To me, a man of the mountains, born in the remote village of Tsada, poets have brought the whole world of which my forefathers were deprived for centuries Whereas previously I could speak of "my Daghestan", I may now speak of "my Russia", "my Georgia", "my Planet". The poet's generosity—which does not diminish his own worth and freedom—does not impoverish the poet, his people, or his homeland. On the contrary, it augments his strength and pride, his valour and nobleness of spirit. His talent embraces the wealth of his own nation's culture and the poet, you might say, becomes a luminary of his native land In the Great Legacy I received from my predecessors, the bard-luminaries of my native land, I inherited an immense fortune—my Daghestan.

Makhmud, Batyrai, Irchi Kazak, Etim Emin, Suleiman Stalsky, my own father Gamzat Tsadasa, my teacher Effendi Kapiev and many others have bequeathed to me and to my

generation the splendid land of Daghestan with its many hues, tongues and sounds, with its heroic poetry and its love lyrics, its truth and fantasy, its wondrous and unique world of images and harmonies

Among Avars it is an unwritten law that when elders speak, the young remain silent and listen. How could I, in the wake of such great poets, write about my country?

New times, however, prompt new poems. New events, relations, ideas and people call forth new bards—the chroniclers and living witnesses of exciting years, bards of their own thoughts and feelings. Nevertheless, the essence and basis of poetry do not alter. The bard is one whose roots bind him to his own people, one who is utterly devoted to his land and region, one who is a minister plenipotentiary speaking for his country before the world.

Poets are not migratory birds Poetry without a native land and soil, without hearth and home, is a tree without roots, a bird without a nest.

I think it natural that the theme of Daghestan, my native land, should dominate my poetry. I wish to add something, if only a line, to the poetic treasury of my homeland. I wish to make everyone a gift of my mother's songs, of the stone house and the village of Tsada where I was born, of our mountains and shores. Each person can give what he himself possesses and knows.

* * *

Ask hill folk: "What is the finest thing on earth?" "The confident stride a young man takes forward," they reply. Ask hill folk: "What is the pleasantest hour?" "The first time a young man sings an entrancing song that no-one has ever sung before." Without such a stride, such an hour and such a song the earth is a sad and empty place.

I was born and grew up in the family of a poet and I began writing verse at an early age. What I wrote seemed to me to be of a smooth and even quality. My first verse was soon published. I was delighted beyond words and my friends were also pleased. People wrote about me and praised me. But—it's no secret—anyone who writes has not only friends but ill-wishers, too. They spread a rumour the poems were written not by Rasul but by his father for him. Some people

credited the rumours Friends consoled me: "If people think your father wrote your poems for you, it means you're quite a good poet, so don't be offended, but rejoice!" Other friends said I imitated my father too much and should write differently. "One Gamzat is enough in one family," they said, "and enough in all Avaria. But you are your father's shadow, Rasul, an appendix to him."

These friends were right, of course, though frankly I did not think so then. In my writing I continued using what lay to hand, as my father's "dependent", being powerless to take a step forward on my own.

At a recent gathering in Minsk I was asked if at 16 I dreamed of becoming a poet. I said I couldn't have had any such dream because I was quite sure I was a poet already. It was later I began to have doubts, increasing as time went by. At 16 I was a school-teacher and thought my studying days were over. I regarded completing the Avar teachers' training course as almost the supreme achievement. Then I worked in the theatre, on a newspaper and for the radio, and everywhere I had to recite my poems. Some praised my early poems and criticised later ones, while others criticised early ones and praised the later poems. I agreed with those who praised the early poems and with those who praised the later ones, and I disagreed with both when they criticised either.

There was one person, nevertheless, whose notice I dreamed of winning, trusting that he alone would appreciate me at my true worth. This was Effendi Kapiev, a wonderful writer who at that time was also a link between the poetry of the peoples of Daghestan, of Russia and the world. By nationality a Lak, a member of a small ethnic group, he knew and loved the heritage of world culture, yet all his life he never forgot the cradle songs of his native hills. Maybe for that reason at mountain festivals he would wear his Daghestan costume. He donned a tunic, broad riding-breeches and traditional mountain boots—and it suited him very well. He was a representative of Daghestan by birth and by outlook. On ordinary days he wore European dress. I saw him several times in a suit and he looked well in it Culturally he was a son of his age, a champion of Russian and world poetry as well as prose.

I saw him yet again wearing top boots and an army greatcoat. This was in the bitter wartime years. By conviction

Effendi Kapiev was a son of his great homeland, a soldier and fighter for the Soviet people's victory. He was a man of many facets.

...One day I encountered him with a group of writers in the street in Makhachkala. It was he himself who stopped me, the young poet, and suggested going to the house of an old friend of his, the artist and musician Mahomed Yunusilau. There the poets recited their verses in turn and I was asked to recite something, too. I read several poems which had already been translated into Russian. Nothing of what I read brought any response from Kapiev. Then one of those present asked him:

"Well, what do you think of it?"

"It's not bad," he replied.

"It sounds much better in Avar," somebody remarked.

"That may be so," Effendi said thoughtfully, "but these are different times, and different poems, different poets are needed. You must study, Rasul, you must go to Moscow to study...."

This was the remark of a man who championed the poetry, folk-bards and story-tellers of the mountains, a man who translated and introduced to a wider public the poetry of Suleiman Stalsky, the "twentieth century Homer", a Lezghin who was illiterate. Had Suleiman ever studied in Moscow?

As if in answer to my question Kapiev said:

"A year before he died Suleiman invited me to his home and gave me the chungur which he had played for many years. Believe me, it is the most precious gift I have ever received. But I do not play it, because I am not Suleiman. I am Effendi Kapiev. I must have my own instrument. Each person must sing his own song as prompted by his own time, his own spring and autumn."

Two years after this conversation I entered the Literary Institute in Moscow. There were 26 of us dreamers studying together. We read our poems to one another on Tverskoy Boulevard. But somehow they sounded flat, perhaps because on the same boulevard not far away stood the statue of the poet Pushkin.

Influenced by different circumstances and different poets, I began to write differently in Moscow. I wanted to be understood, accepted and published as soon as possible in Moscow. As for the mountain village I came from, I thought that somehow or other I would find a common language with it

later on. Whereas previously I had written under the influence of mountain poets, now I began writing under the influence of Russian poets.

But imitation is rather like plagiarism I recall one amusing incident. The students in my year were asked to produce a composition. I did not know Russian well and was sure all the Russian poets would make no mistakes. So I copied the entire text from a friend. When the marks were announced, I found that my friend's text contained 60 errors Mine contained no fewer, of course. Another incident. An examination in Old Russian literature was approaching. Because I knew little about the subject, I decided to "miss" the examination. I said I had been in the Caucasus and there had been an avalanche which was why I had arrived late So as an exception I was allowed to take the examination separately by arrangement with my professor.

I rang him at home. He was very kind and said he would examine me over the telephone. He gave me three questions and asked me to ring when I was ready with the answers Friends quickly supplied me with cribs and I answered every question. The professor asked me to pass the receiver to his secretary and told her to enter a "Good" mark opposite my name in the register. Emboldened by such indulgence and knowing how kind the professor was, I assumed an air of injury and plucked up courage to ring him again· "I'm very upset by the mark you gave me, professor! I think I know the subject better than that." "You are probably right, my dear fellow," said the professor and told his secretary to give me an "Excellent" mark—remarking to her that "this Avar is most indignant and we must show him consideration."

I recall these incidents when I think of some of the verse I wrote at that time and also when I read the work of some of today's poets of various nationalities. They remind me of the compositions I copied from someone else, full of mistakes; they remind me of that examination over the telephone. Sometimes people are over-indulgent in judging the work of writers in the national republics.

Whatever language he writes in, a true poet should regard any indulgence as humiliating. For, as everyone knows, geologists sometimes find precious diamonds in small mountains and it is nowhere decreed that the poets of a small nation

should be small poets. It is well known that the rebirth of its culture is one of the signs of a nation's rebirth. This is precisely what is happening in our country. It is a mighty and unprecedented change. But, like any process of growth, it is not without its growing pains.

For some poets these pains are fatal, other poets conquer them, while yet others shun them. The work of some poets is fettered into immobility by chains of tradition. Others, who break free of the chains, do not know which way to turn. Laziness and lethargy is typical of some of them, vanity and haste take possession of others. Some fear taking an independent step, others lose their grip and drive recklessly, disregarding traffic signals and paying no attention to those behind or ahead of them. Naturally, such drivers usually finish up in a crash.

For some poets poetry still wears the veil and you canno see her face, while for others poetry is a regular strip-tease.

It is a well-known fact that good poems are those you can read to your mother, sister and children, in a mountain village or in Moscow—everywhere and to everyone. Unfortunately, this is not often the case—and understandably so. Discoveries are not a mass phenomenon in poetry.

People say the further you spread your wings, the more space you embrace. For this reason many young poets in the republics strive to go to Moscow to study, they want to be at the centre, in the thick of the cultural life of the country and of the world. In the city they are lost like pins in a haystack and they vanish without trace. Trying to acquire everything at once, they lose their native melodies, the patterns of thought characteristic of their own people. They remind me of dancers who perform various dances: "Why, we can dance anything—a lezghinka today, tomorrow a tango, a Moldavian dance, the twist or a waltz—everything!" That is all right for dancers. But a poet is not a dancer, nor is he a tight-rope walker.

I, too, was divorced from my background, from my native mountains I was also something of a reckless driver. The poems of my student years were published in newspapers and journals in Russian translation, and even books of my verse appeared. They received kind reviews in the press. I was flattered and regarded my work then as something new in mountain poetry.

Ill-wishers who at first said my father wrote for me, now said I no longer acknowledged my own father and that my poems read well only in translation. These remarks upset me more than the remarks about my early poems. Not because I was oversensitive and could not take puddles in my stride, but because these remarks touched on a problem which merits serious thought. For if you look into the matter, the point at issue was something very important and vitally necessary to our poetry. It is the problem of tradition and innovation, of the national and international elements of art.

* * *

For the poet who is abreast of his age, who lives with the life of his people and is a champion and spokesman of the ideas of his own socialist country, these are not antagonistic elements and he combines them in his writing.

As for myself, in my credentials I declare myself to be an Avar national, a Soviet citizen and a member of the Communist Party of the Soviet Union. My being an Avar does not prevent me from being a man of Daghestan, of the Caucasus and, above all, of the Soviet Union. Only about a third of a million people speak my native Avar tongue. But I have millions of friends throughout the world whom I consider my fellow-countrymen, too, in feeling and outlook.

I heard of someone who proposed printing only two copies of a book of love poems on the ground that it interested only two particular people. Yet for thousands of years lovers have been writing, publishing and singing songs which millions have eagerly read, heard and sung themselves, because the sublime feeling of love touches every heart. I wrote once about the editor who rejected love poems of mine because "people won't read them", yet did not return my manuscript and took it home to read to his wife. Something similar happened to a Daghestan poet who submitted a volume of poems entitled "My Village". "How many households are there in your village?" asked the director of the publishing house. "Seventy," said the poet. "Seventy copies? We don't publish such small editions," replied the director. I don't know how witty his answer was but it was not a clever one, because I'm sure very many people would like to know about the life of a mountain village, about the joys and sorrows of the people

who live there, about their thoughts and feelings, the music and colours they like Herein lies genuine mutual enrichment and influence ...

* * *

I think that when a true poet succeeds in deeply voicing a personal feeling, in some inscrutable way it becomes a feeling common to all men But when a poet sets out to voice feelings common to all *men, he is crushed beneath the very rock* he cannot lift, for without personal feelings there can be no feelings common to all men Everything depends on the poet's standpoint and his attitude toward life.

There are poets who simply reflect facts, and there are others who straightaway offer general conclusions without facts True poets are those who combine the one and the other Yesenin's Ryazan and Tvardovsky's Smolensk countryside tell me more about Russia than volumes of other poets' "global poems". Many of my colleagues' poems about their particular villages tell me more about the feelings and aspiration of our people than do generalities about the whole nation For today every village is closely linked with the destinies of the Soviet land and of the whole world. To write about your own nation and to stress that you belong to it does not mean endlessly professing your love for it, it does not mean regarding your own crows as nightingales and other countries' nightingales as crows. Poetry is not a travel-guide. It is the study of man. It is not geography of the world but geography of the restless heart of man.

Some say poetry is a mood. They say the more casual the verse the better. Poetry is not, of course, a planned economy. Yet every poet, in my view, like every citizen, has his own clearly expressed set of beliefs. The reader has a right to ask: "Let me read your poems and I'll tell you what sort of a person you are." A writer's life is judged not by his years but by his books, and there's no better measure of a person than his work By his work you judge his flights and falls, his glory or lack of it.

I am now 50 An age, people say, when one is not yet old but no longer young At this age one still can and should write and create new works. Nevertheless, if a person has not managed to say anything in half a century, it is doubtful

whether he will be able to make good the omission in his second half-century. The poems you hear now are those the poet has already written. The reader does not yet know what he is going to say. Anxiously I turn over the pages of my books. In all these years have I managed to say something? And if I have, then what, how, when and to whom have I said it? Have I been frank, honest and truthful in all my judgements at all turns of life? Different readers see me in a different light, but what am I in reality? What heart beats in my breast and what thoughts take shape in my brain, what are my convictions and in what poems and books have I endeavoured to state them?

They are to be found in everything I have written all the time, for, as they say in the mountains, a man has two childhoods and one youth....

I turn over the pages of my books *Songs of the Mountains, The Year of My Birth, My Heart is in the Mountains, The Homeland of a Mountaineer, The Girl of the Mountains.* In these books I wrote about the heritage I received from the land of my birth—I sang its songs, retold its legends, tried to describe where I was born and to say where I was heading and why.

These books were my first document, like my birth certificate, to be replaced later by my passport and other documents recording my heart's emotions. My wish is that the reader, turning over the pages of these books, should be able even without a preface to tell who I am, where I come from, who my parents were, who are the people I love or do not love, what I affirm and what I reject, what country I am a citizen of....

I consider the youth of my poetry (if it existed or exists) to be the books *Lofty Stars, And Star Speaks to Star, The Mulatto Woman, The Boundary....* In these books I was already writing about what I had myself acquired, not received as a legacy. These books were the outcome of my travels and discoveries, my bereavements, encounters and separations. Such are my poems "Cranes" and "Keep Your Friends", they are my continents and my stars Here I am speaking not just of a boundary on the earth but of the boundary of tenderness, courage, love and truth, of the boundary between day and night, life and death, good and evil

During the stern war years in his prison cell at dawn Julius

Fučik spoke the famous words: "I loved you, people. Be vigilant!" These are sorely needed words. I am willing to repeat them today: so long as evil, cruelty, lies, deceit, violence and war exist in the world. But I would like to add: "I love you, people. Be good, frank, truthful, honest!"

I have travelled to many countries. I have visited towns and villages in Europe, Asia, America and Africa. I have seen many different nations and people, heard many different tongues and songs. But on all my travels I have taken with me one and the same wish, that the people of our planet should speak to one another "as star to star", that they should give one another the gift of light and warmth, beckoning one to the other, as the stars do.

My poetry's second childhood is my return, my meeting as a grown-up with my treasured cradle songs, it is both what I have managed to preserve from my heritage and what I have won for myself. These are my books *A Rosary of Years, Two Shawls, Inscriptions, My Daghestan*—books I have written in recent years and am still writing. This is not a repetition of the past but simply an attempt to reinterpret all that has been and is, and—most important—has remained and will remain. This is my tested adult love. I call these books my second childhood because old age is forbidden to a poet. Although I have divided my books into three different groups, it is an arbitrary division, for life is whole, and its days and years are closely interwoven, just as poetry is.

If I had the opportunity of starting all over again, I would have done more, I would have done many things differently and some things I would not have done at all. Maturity sometimes comes to a man like a cape after a rainstorm. Nevertheless, I do not grumble at fate. There is a Moscow television programme entitled "Five Minutes of Poetry". In my life there have been, if not a whole hour, at any rate five minutes of poetry. That is quite a lot. I treasure those five minutes. If there were five minutes of poetry in the life of each one of us, then we could say that poetry is life and life is poetry.

I have been sluggish and hasty, I have been a reckless driver, I have had accidents, but now I shall be careful and resolute. I must drive the car of my life carefully, because in it I bear the precious burden of my old and true love, a burden of recollections, emotions and joys. I now feel an

immense responsibility to everyone and to myself for poetry and for all the beauty it contains. I must be resolute so I can bear through life the truth of our great land of many nations.

If I have managed to achieve something along my chosen path, I owe it to my Daghestan, to the great culture of Russia, to the great brotherhood of peoples in our country. If I have failed, nobody is to blame but myself.

For my introduction to Russian and English readers I am grateful to my friends, my translators.

Some say that a translation is like the underside of a carpet. But I have been fortunate in my translators. Taking the word-for-word translations of my poetry—my broken jar of the mountains—they have put the pieces together again so firmly that if any water leaks from the jar it is not their fault but mine.

My father named me Rasul, which in Arabic means "representative". Happy is the poet whose readers say he is "the spokesman of our country and of our poetry". I do not claim to have already fully justified my name. But to that aim I have always aspired.

Rasul Gamzatov

POEMS

* * *

С добрым утром!

Взгляни: ждет за окнами белый
Необъезженный конь. Оседлай, если смел.
И не дай тебе бог век печалиться целый,
Что лихого коня оседлать не успел.

* * *

Good morning!
                    Look out of the window, for there
A white colt is waiting. Go ride, if you dare!
God save you from suffering lifelong remorse
For failing to saddle a mettlesome horse!

• • •

К дальним звездам, в небесную роздымь
Улетали ракеты не раз.
Люди, люди — высокие звезды,
Долететь бы мне только до вас.

* * *

To faraway stars with soaring thrust
Rockets galore we fire.
You, people, are lofty stars, and just
To reach you is my desire!

ЗВЕЗДЫ

Звезды ночи, звезды ночи
В мой заглядывают стих,
Словно очи, словно очи
Тех, кого уж нет в живых.

Слышу,
с временем не ссорясь,
В час полночной тишины:
«Будь как совесть, будь как совесть
Не вернувшихся с войны!»

Горец, верный Дагестану,
Я избрал нелегкий путь.
Может, стану, может, стану
Сам звездой когда-нибудь.

STARS

Stars of night, stars of night,
At my verses peer,
Like the eyes, like the eyes
Of men no longer here.

In the hour of night repose
I can hear them say:
"Be the conscience bright of those
The war years took away!"

[illegible]
[illegible]
[illegible] nows, perhaps
I'll be a star sometime?

* * *

В грохоте событий боевых
Славе предков я сегодня внемлю,
Но сильнее прадедов моих
Мне дано любить родную землю.

Потому что среди гор и рек
Стала в наши солнечные годы
Та земля,
Отныне и вовек,
Родиною дружбы и свободы.

* * *

Heroic forebears I recall
As bitter battles rage today.
But for my native land and soil
I feel a stronger love than they.

This lofty land where torrents foam

РОДНОЙ ЯЗЫК

Родился я в горах, где по ущелью
Летит река в стремительном броске,
Где песни над моею колыбелью
Мать пела на аварском языке.

Она тот день запомнила, наверно,
Когда с глазами, мокрыми от слез,
Я слово «мама», первое из первых,
На языке аварском произнес.

Порой отец рассказывал мне сказки.
Ни от кого не слышал я таких
Красивых и волшебных...
Герои разговаривали в них.
по-аварски

Люблю язык тех песен колыбельных
И сказок тех, что в детстве слышал я,
Но рассказал о далях беспредельных
И всех сограждан отдал мне в друзья
Другой язык.

С ним шел я через горы,
Чтоб родины величие постичь.
То был язык могучий, на котором
Писал и разговаривал Ильич.
И сердцем всем, сын горца, я привык
Считать родным великий тот язык.

MOTHER TONGUE

I grew up in the hills where sped
A mountain stream, and echoes rang.
My mother kneeling by my bed
Her lullabies in Avar sang.

No doubt she still recalls the day
When first I spoke, for to her side
I clung as, with a tearful face,
"Mama!" in Avar speech I cried.

The tales my father would relate
Of charming [illegible]
[illegible]
[illegible]

I love those Avar lullabies
And tales that as a child I knew.
But for new vistas and new friends
I'm totally indebted to
Another tongue.

With this great gift
Throughout the Soviet land I walked.
It is the mighty tongue in which
Vladimir Lenin wrote and talked,
Which I, who have from hill folk sprung,
Love as I love my mother tongue.

КРЕМЛЬ

Я не спал всю ночь. —
С вокзала прямо,
Молча, с непокрытой головой,
Как стоят у нас пред мудрым самым
Я сейчас стою перед тобой.

Я ведь знал, что рано или поздно
Доведется увидать и мне,
Как горят рубиновые звезды
Чуть ли не в небесной вышине.

Это их, сияющих и ярких,
Я не мог забыть в огне боев,
Это их искусные аварки
Зажигали в бархате ковров.

Это их на серебре кинжалов
Высекали наши мастера.
Блеск их согревал меня, бывало,
Как тепло пастушьего костра.

И куда ни шел бы, где бы ни был,
Маяком светила мне всегда
Не звезда с полуночного неба,
А Кремля великая звезда.

Солнце золотистою указкой
Над столицей вспыхнуло вдали,
Время по часам на башне Спасской
Проверяют люди всей земли.

THE KREMLIN

I did not sleep all night. I came
Straight from the station.
Silent now,
I stand here as before a sage,
Bareheaded and with solemn brow.

I knew, of course, it had to be,
The time was bound to come when I
Your shining ruby stars would see
Suspended almost in the sky.

These stars I thought of with a thrill
When into fires of war I drove.
These stars our womenfolk with skill
Into their velvet carpets wove.

These blazing stars our craftsmen wrought
[illegible]

Wherever I have gone or been,
I have been guided from afar
[illegible]

The setting sun now showers gold
To silhouette the citadel,
And mankind hears the hours told
By Spassky's tumbling chimes and bell.

Мне ль тебе, Дагестан мой былинный,
Не молиться,
Тебя ль не любить,
Мне ль в станице твоей журавлиной
Отколовшейся птицею быть?

Дагестан, все, что люди мне дали,
Я по чести с тобой разделю,
Я свои ордена и медали
На вершины твои приколю.

Посвящу тебе звонкие гимны
И слова, превращенные в стих,
Только бурку лесов подари мне
И папаху вершин снеговых!

* * *

How can I help but love my land,
Before it bend my knee?
Among your cranes, my Daghestan,
Shall I a straggler be?

The gifts that men on me bestow
I share with you, my kin,
And all my medals in a row
Upon your peaks I pin.

To you I shall my Muse devote,
Lay verses in your lap.
Just let me don your forest coat
And snowy mountain cap!

Все, что в нас хорошего бывает,
Молодостью люди называют.
Пыл души, непримиримость в спорах,
Говорят, пройдут, и очень скоро.
Говорят, когда я старше буду,
Я горячность юности забуду,
От тревог и от дорог устану,
Говорят, я равнодушным стану.
Сделаюсь спокойным и солидным,
Безразличным к славе и к обидам,
Буду звать гостей на чашку чая,
От друзей врагов не отличая...
Если правда может так случиться —
Лучше мне сегодня ж оступиться,
Лучше мне такого не дождаться —
Ныне ж в пропасть со скалы сорваться!

* * *

Zest for life, the quest for truth
Are a sign, they say, of youth.
Holy wrath is wont to cool
Shortly after leaving school.
Both the wish and will to fight
Vanish almost overnight.
On life's road, they say, you'll tire,
Lose all interest, retire
[illegible]
[illegible]
[illegible]
To a friend and to a foe....
If this prophecy be true,
There's but one escape for you:
Choose a cliff-top, say: "Goodbye!"
Take a running jump—and die!

О ДРУЖБЕ

Ты счастлив тем, что многие года
Живешь спокойно, с бурями не споря,
Друзей не знаешь, то есть никогда
Ни с кем не делишь радости и горя.

Но если даже прожил ты сто лет
И голова, как мудрость, поседела,
Тебе при людях говорю я смело,
Что не родился ты еще на свет.

FRIENDSHIP

Long have you lived and, still content
To shelter from life's storms,
You cannot name a single friend
To whom your lone heart warms.

When years have passed and you are old,
People will turn and say:
"He lived a century, poor soul,
Who never lived a day."

* * *

Мой старший брат
двенадцать лет назад
Погиб в бою за город Сталинград.
Старуха мать в печали и тоске
Поныне ходит в траурном платке.

И больно мне и горько оттого,
Что стал я старше брата своего.

* * *

My elder brother
died twelve years ago
Upon the battlefield of Stalingrad....
My aged mother nurses still her woe
And goes about the house in mourning clad.

And there is pain and bitterness for me
In knowing I am older now than he.

* * *

Сердце джигита — горящий костер.
Девушка, будь осторожна:
Можно огонь погасить, разорить,
Искрой обжечься можно.

Сердце джигита — острый кинжал.
Девушка, будь осторожна:
Можно кинжал уронить, затупить,
Руку поранить можно.

* * *

A warrior's heart is like a fire!
So, young girl, take care!
Fire can extinguished be,
Or can scorch, beware!

A warrior's heart is like a knife!
So, young girl, take care!
For a knife can blunted be,
Or can cut, beware!

ПАРЕНЬ ГОР
(Легенда)

— Эй, ненаглядная, скорей
Открой-ка двери мне!
— Откуда, парень, у дверей
Ты взялся при луне?

— Клянусь я:
сердце привело
Меня на твой порог!
— Незваный гость, садись в седло,
Найди другой чертог!

— Тебе, красотка, бог судья,
Любовь мою проверь:
Скажи, что должен сделать я,
Чтоб ты открыла дверь?

— Эй, парень, спрыгнувший с коня,
Не угоди в шуты!
Есть три желанья у меня —
Да удалец ли ты?

Желанья выполнишь, считай,
Нашел к дверям ключи.
Касаясь шапкой птичьих стай,
За семь вершин скачи...

— Куда скакать, в какой набег?
Приказывай, не мучь!
— Гнездится голубь, бел как снег,
У края черных туч.

THE MOUNTAIN YOUTH

(A Legend)

"Hey, pretty maiden, have no fear,
Unlock the door to me!"
"Upon what errand come you here
By night so jauntily?"

"I vow it is a loving heart
That brings me to your door."
"Unwelcome visitor, depart!
I've heard such tales before."

"My witness be the Lord above,
My honour you may test:
What must I do to prove my love?
Speak, what is your behest?"

"Hey, stranger, why do you dismount?
[illegible]
[illegible]
[illegible]

"Should you these wishes three fulfil,
My heart is yours to keep.
But ride you will over many a hill
And high as heaven leap. . . ."

"In what direction must I go?
Speak, set my mind at rest!"
"Where black clouds grow, a dove, like snow,
Has built her lofty nest.

К нему, когда взойдет луна,
Лиса направит путь.
Ты лисью шкуру, что красна,
К рассвету мне добудь!

Восток в малиновой парче,
Храпит под парнем конь.
И лисья шкура на плече
Пылает как огонь.

— Эй, чародейка, дверь открой.
К тебе я мчался вскачь!
— Ты уговор забыл, герой,
Он был из трех задач.

И говорит ему она:
— Садись в седло опять,
Жемчужин горсть с морского дна
Ты должен мне достать!..

Держа жемчужины в горсти,
Вступил он на порог:
— Эй, ненаглядная, впусти,
Я возвратился в срок!

— Ты нетерпенье, парень гор,
До времени смири,
Дороже денег уговор,
Моих условий — три!

— Куда держать мне путь теперь,
Скажи скорей о том?
— Через распахнутую дверь
В девический мой дом.

Но прежде чем меня обнять,
Дай клятву, парень гор,
Что навсегда отца и мать
Забудешь с этих пор.

"The moon shall rise. With greedy eyes
A fox shall pass that way.
I'll have you bring that fox's skin
Before the break of day!"

The Eastern sky dons red brocade,
The breathless mount returns
And round the rider's shoulders draped
A pelt of red fox burns.

"Come, charmer, my reward I've earned!"
He called impatiently.
[illegible]
[illegible]

"To horse again," the maiden said,
"Remount your horse and ride!
A cup of pearls from the ocean-bed
Is what you must provide."

The pearls in his broad palm he cupped,
Onto the porch he stepped
"Come, my beloved, open up!
My promise I have kept."

"Control your ardour, mountain youth!
How dare you make so free!
For, more than wealth, I honour truth:
My wishes they were three."

"Then tell me quickly, maid, what more
To bring and whither roam?"
"Now step through this wide open door
Into my maiden home!

"But first, ere ever we embrace,
You, mountain youth, must swear
That you'll forget your mother's face,
Your father's greying hair!

Не медли, милый, дай зарок
И страсти не таи,
Войдешь ты, как в ножны клинок,
В объятия мои.

Ах, не молчи, лихой джигит,
Со мной забудешь свет.
Куда ж ты, сокол?.. — Стук копыт
Послышался в ответ.

"Make haste, my love, to pledge your word,
Surrender to my charms
And swiftly as a sheath the sword
I'll take you in my arms.

"*Swear, handsome youth! Beneath my roof*
In carefree bliss abide!
Whither, my love?"
The thunder of
His horse's hooves replied.

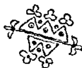

МОЛИТВА

Когда поднимешься к вершинам синим,
Где достают рукою небосвод,
Когда услышишь, как река в теснине
Который век все ту же песнь поет,
Когда увидишь: в небе кружит птица,
А по изгибам гор ползут стада,
Родной земле захочешь ты молиться,
Хоть не молился в жизни никогда.

Когда за далью моря корабельной
Увидишь ты, как солнца шар поблек,
И будто в лампе десятилинейной
Прикрутит вечер блеклый фитилек,
Когда увидишь: солнце в море тонет
И режет солнце пополам вода,
Ты склонишься в молитвенном поклоне,
Хоть ты и не молился никогда!

Увидишь ты, как пожилые люди
Сидят, свои седины теребя,
Как женщина ребенка кормит грудью,
И в сотый раз все потрясет тебя,
И все, что на земле, что в небе синем,
Захочешь ты постичь, и вот тогда
Застынешь и молитва горлом хлынет,
Хоть ты молитв не слышал никогда!

PRAYER

When you ascend a sapphire mountain
And heaven in your palm you hold,
Or listen to a torrent pounding
A rhythm that is ages old,
When hawks are hill and crag surveying
[illegible] pour,

When on the ocean's far horizon
The sun's great orb of fire pales,

The waves envelop half the sun,
You kneel, although you have no notion
How such devotions should be done.

When old men's fingertips are kneading
Grey beards, when mother's arms console
The baby at her bosom feeding—
And such things ever sear your soul,
When earth and heaven are provoking
Your will to grasp life's vital thread,
You feel your throat with prayers choking,
Who never heard a prayer said.

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что джигиты,
С кровавых не пришедшие полей,
В могилах братских не были зарыты,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса.

Сейчас я вижу: над землей чужою
В тумане предвечернем журавли
Летят своим определенным строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый —
Мои друзья былые и родня.
И в их строю есть промежуток малый -
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
По-птичьи из-под неба окликая
Всех вас, кого оставил на земле.

CRANES

I sometimes think that warriors brave
Who met their death in bloody fight
Were never buried in a grave
But rose as cranes with plumage white.

Since then unto this very day
They pass high overhead and cry.
Is that not why we often gaze
In silence as the cranes go by?

In far-off foreign lands I see
The cranes in evening's dying glow
Fly quickly past in company,
As once on horseback they would go.

And as they fly far out of reach
I hear them calling someone's name.
Is that not why our Avar speech
Recalls the clamour of a crane?

Across the weary sky they race
Who friend and kinsman used to be,
And in their ranks I see a space—
Perhaps they're keeping it for me?

One day I'll join the flock of cranes,
With them I shall go winging by,
And you who here on earth remain
Will listen to my strident cry.

* * *

Я на земле, как в море, — то всплываю,
То вниз иду, где не видать ни зги.
Произношу какие-то слова я,
А вместо них лишь пена да круги.

Мы на земле, когда бывает туго,
Как в море, где не ходят корабли,
Плывем, и нет спасательного круга,
Нет маяка, нет берега вдали.

On land, as in the sea, I swim
On top, or struggle out of depth
Where utterances gay or grim
Emerge as so much wasted breath.

When troubles harry us on land
We feel at sea. In sorry plight
We swim without a helping hand,
With neither ship nor shore in sight.

МАТЕРИ

Мальчишка горский,
я несносным
Слыл неслухом в кругу семьи
И отвергал с упрямством взрослым
Все наставления твои.

Но годы шли,
и, к ним причастный,
Я не робел перед судьбой,
Зато теперь робею часто,
Как маленький, перед тобой.

Вот мы одни сегодня в доме,
Я боли в сердце не таю
И на твои клоню ладони
Седую голову свою.

Мне горько, мама, грустно, мама,
Я — пленник глупой суеты,
И моего так в жизни мало
Вниманья чувствовала ты.

Кружусь на шумной карусели,
Куда-то мчусь,
но вдруг опять
Сожмется сердце: «Неужели
Я начал маму забывать?»

А ты, с любовью, не с упреком,
Взглянув тревожно на меня,
Вздохнешь, как будто ненароком,
Слезинку тайно оброня.

TO MY MOTHER

As a boy
I was unruly,
Many a rebuke I earned.
With adult-like firmness, coolly,
All remonstrances I spurned.

Rating my own powers highly,
Never have I run from fate.
Yet I now approach you shyly,
Like a child, and hesitate.

Now we are alone together
My heart's anguish I'll confess,
And a head that's grey and weathered
Into your soft palm I'll press.

I have been a rash, ungracious
Prisoner of vanity!
Not enough consideration,
Mother, have you had from me!

As I whirl in dizzy circles
I can hear a deep heart's groan:
Can I really be forgetting
My old mother, left alone?

Anxiously, but without censure,
Mother mine, you glance at me,
Heave a sigh and let a gentle
Tear fall surreptitiously.

Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет.

As a star on the horizon
To its final goal has sped,
In your palm your boy contritely
Lays his weary, greying head.

Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет.

As a star on the horizon
To its final goal has sped,
In your palm your boy contritely
Lays his weary, greying head.

* * *

Я счастлив: не безумен и не слеп,
Просить судьбу мне не о чем.

И все же

Пусть будет на земле дешевле хлеб,
А человеческая жизнь дороже.

Fate has been kind: I'm neither blind
Nor mad . . . yet still desire
To see the world's bread lower priced
And human life priced higher.

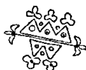

* * *

О смерти нету мысли у героя,
Поет о ней поэт, покуда жив,
А смерть с бессмертьем смотрят

Для них свои ворота отворив.

* * *

The hero never spares a thought for Death,
On which the poet lavishes his breath.
But Death and Immortality stand by
To let them through their portals when they die.

* * *

«Дайте мне отцовского коня,
Я скакать умею, слава богу!»
Я вскочил в седло, но конь меня
Сбросил, и упал я на дорогу.

«Тише, люди, я играть начну,
Дайте мне пандур отца хваленый...»
Только тронул пальцами струну —
И струна оборвалась со звоном.

* * *

"Saddle my father's horse!" I said,
"Thank God, I've learned to ride!"
I mounted, but it tossed its head
And I was thrown aside.

I called aloud for silence: "Bring
His lute for me to try!"
They brought it. When I touched a string,
It severed with a cry.

БЕРЕГИТЕ ДРУЗЕЙ

Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
И судом поспешным не греши.
Гнев на друга, может быть мгновенный,
Изливать повсюду не спеши.

Может, друг твой сам поторопился
И тебя обидел невзначай,
Провинился друг и повинился —
Ты ему греха не поминай.

Люди, мы стареем и ветшаем,
И с теченьем наших лет и дней
Легче мы своих друзей теряем,
Обретаем их куда трудней.

Если верный конь, поранив ногу,
Спотыкнулся, а потом опять,
Не вини его — вини дорогу
И коня не торопись менять.

Люди, я прошу вас, ради бога,
Не стесняйтесь доброты своей.
На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей.

Я иных придерживался правил,
В слабости усматривая зло.
Скольких в жизни я друзей оставил.
Сколько от меня друзей ушло.

После было всякого немало,
И, бывало, на путях крутых

KEEP YOUR FRIENDS

Know, my friend, the worth of friendship
And the cost of hate! Beware
Lest you let a fit of anger
Foster malice anywhere!

Possibly your friend was hasty
And, offending you by chance,
When he saw his fault, confessed it—
Do not look at him askance!

As remorseless age advances,
It grows more than ever plain:
Friends are easy to abandon
But more difficult to gain.

If your trusty horse should stumble
And behave in manner strange,
Blame the highway for it, grumble
But don't rush your horse to change!

Do not ever be reluctant
Loving kindness to display!
Never are true friends abundant,
Do not let them fall away!

Different were the rules I followed
In my youth, and, I might add,
Many were the times a quarrel
Lost me friends that I once had!

Later came all sorts of trouble....
When a ridge had to be crossed,

Как я каялся, как не хватало
Мне друзей потерянных моих!

И теперь я всех вас видеть жажду,
Некогда любившие меня,
Мною не прощенные однажды
Или не простившие меня.

How I missed, and longed to summon
Every friend that I had lost!

With what eagerness I seek you,
Friends of mine, who cared for me,
You who found me unforgiving
And no pardon granted me.

СТАРЫЕ ГОРЦЫ

Они в горах живут высоко,
С времен пророка ли, бог весть,
И выше всех вершин Востока
Считают собственную честь.

И никому не сбить их с толка,
Такая зоркость им дана,
Что на любого глянут только —
И уж видна его цена.

И перед боем горцам старым
От века ясно наперед,
Кто выстоит, подобно скалам,
Кто на колени упадет.

И ложь почувствуют тотчас же,
Из чьих бы уст она ни шла,
Какой бы хитрой, и тончайшей,
И золоченой ни была.

В горах старик седоголовый,
Что ходит в шубе круглый год,
Так подковать умеет слово,
Что в мир пословица войдет.

О, горцы старые!
Не раз им
Еще народ воздаст хвалу.
Служил советчиком их разум
И полководцу и послу.

OLD HILLMEN

Our ancients have great dignity,
Few men more sagely speak.
Their honour they rate higher than
The highest mountain peak,

And nobody can ruffle them:
So piercing is their gaze
They only need a single glance
A stranger to appraise.

For centuries they have foreseen
The outcome of a fight,
Known who would fall upon their knees
Or, rock-like, stand upright.

A falsehood they at once detect,
No matter from whose lips,
No matter how the lie be decked,
Gilded or honey-dipped.

These white-haired veterans, who wear
Warm sheepskin all year round,
Know how to coin a phrase that is
Both pithy and profound.

Hill ancients! Men of high renown
Your reputation swell,
Ambassadors you have advised
And generals as well.

Порою всадник не из местных
Вдали коня пришпорит чуть,
А старикам уже известно,
Зачем в аул он держит путь.

Какой обременен задачей,
Легка она иль нелегка,
Посватать девушку ли скачет
Или наведать кунака.

Был Камалил Башир[1] из Чоха
Ребенком маленьким,
когда
Старик предрек:
«Он кончит плохо
И многих горцев ждет беда.

Их дочерей и женщин скоро
Красавец этот уведет.
Спасая горцев от позора,
Родной отец его убьет...»

Когда над верхнею губою
У Шамиля белел пушок
И босоногою гурьбою
Шамиль командовать лишь мог,

Сказал о нем еще в ту пору
Старик гимринский как-то раз:
«Дымиться он заставит порох,
И будет гром на весь Кавказ!»

Старик, услышавший в ауле
Стихи Махмуда в первый раз,
Сказал:
«Он примет смерть от пули
Из-за красивых женских глаз...»

---

[1] Камалил Башир — легендарный красавец.

A rider, coming into view,
Has hardly made a sound,
Yet rightaway, and rightly, too,
You know whither he's bound,

You know the purpose of his trip
And whether he intends
To woo a pretty village girl
Or go to visit friends.

When Kamalil Bashir of Chokh*
Was in his tender years,
An aged neighbour prophesied
He'd be the cause of tears,

For he would steal the womenfolk
Of hillmen and be slain
By his own father's hand at last
To end the people's shame.

When proud Shamil** was downy-lipped,
When all his guns were toys
And all he had at his command
Was a gang of barefoot boys,

There was an old man said of him:
"One day with powder he'll
Contrive such thunder as shall make
The very mountains reel."

A veteran who heard Makhmud***
His early verse declaim,
Said he would certainly be shot
For a fair woman's name.

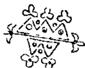
---

* A person of legendary beauty.
** *Shamil* (c.1798-1871), leader of the liberation movement of the mountain people of Daghestan and Chechnya against Russian tsarism.
*** *Makhmud*, a 19th-century author of love lyrics.

Душой робея, жду смущенно,
Что скажут на мои стихи
Не критики в статьях ученых,
А в горских саклях старики.

Они горды не от гордыни,
И знаю: им секрет открыт,
О чем в обуглившейся сини
Звезда с звездою говорит.

Они горды не от гордыни.
Путь уступая их коню,
Я, в гору еду ли, с горы ли,
Пред ними голову клоню.

So with embarrassment do I
Await what shall be said
Not by the connoisseurs, but by
The old hillmen instead.

Not from vainglory springs their pride,
For they without a doubt
Are perfectly aware of what
The stars converse about.

Not from vainglory springs their pride,
Their fame is merited:
I pause on paths to let them pass
And humbly bow my head.

БЕДНАЯ ОВЕЧКА

Ты безгрешна до того,
Что почти святою стала.
Не загрызла никого,
Никого не забодала.

Дважды в год тебя стригут
До последнего колечка.
И однажды в пять минут
Шкуру начисто сдерут,
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Человек родился: пир!
И венчаешь ты шампуры,
Человек покинул мир —
И осталась ты без шкуры.

Настежь дверь пред кунаком,
И дохнула жаром печка.
Уксус смешан с чесноком,
И запахло шашлыком...
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Грудой тонкого руна
Ты дрожишь в извечном страхе
И в любые времена
Даришь мужеству папахи.

Похудеть готов бурдюк,
Чтоб вино лилось, как речка.
А тебе опять — каюк:

POOR LITTLE SHEEP

Of sin you are quite free
As if to sainthood born.
You never bare your teeth
Nor prod us with your horn.

You give us many a sack
Of wool without a bleep
Till one fine day—alack!—
We skin your fleecy back,
Poor little sheep,
Poor little sheep!

The day a babe arrives
You crown the birthday feast,
And when an old man dies
It's you, poor sheep, are fleeced.

When we are acting host
And oven fires leap,
A leg of mutton roast
Accompanies each toast,
Poor little sheep,
Poor little sheep!

You go through life in fright,
Not many months elapse
Before without a fight
You give us furry caps.

A wineskin loses weight
When men drink long and deep.
Our thirst for wine is great,

Слишком лаком твой курдюк,
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Ты невинна и кротка,
И поэтому не сдуру
Для злодейств во все века
Волк в твою рядится шкуру.

Слова истинного ряд
Не сотрется, как насечка.
И порой всю жизнь подряд
Про кого-то говорят:
Бедная овечка,
Бедная овечка!

And this, too, seals your fate,
Poor little sheep,
Poor little sheep!

You're meek and innocent,
So rightly wolves decide
Their criminal intent
Beneath your fleece to hide.

We know that, come what may,
True words their lustre keep:
Of some folk every day
Their friends and neighbours say:
Poor little sheep,
Poor little sheep!

КИНЖАЛ

Со стены я снимаю старинный кинжал
И сжимаю в руке неумело...
Я ни разу на пояс тебя не цеплял,
Чтобы мчаться на бранное дело.

Я, быть может, порой твой тревожу покой,
Пыль со стали стирая холстиной.
Что ж до крови, то крови не то что людской,—
Ты ни птичьей не знал, ни звериной.

Ты висишь как безделка, а я до сих пор,
Слыша тихий, но явственный голос,
То на палец попробую, как ты остер,
То попробую, режешь ли волос.

Жизнь дала мне оружье. Оружье мое
Мир несет и с тобою не схоже,
Почему же я глажу твое острие,
Сталь точу, вынимая из ножен?

Почему же тебя берегу и берег
Я, отпетый добряк — стихотворец?..
Почему?
Мне б ответил кинжал, если б мог.
«Потому, что ты все-таки горец!»

THE DAGGER

I take from the wall this old dagger of mine,
A weapon I clumsily handle....
With you, dagger, never my belt I entwined
Nor galloped full tilt into battle.

I may have disturbed you by taking a rag
And wiping the dust from your surface,
But blood never tainted you, neither of man
Nor of animal, feathered or furry.

You hang like a toy there, and yet I succumb
To small voices, prompting me ever
To test your keen edge on the skin of my thumb
And see if a hair you can sever.

Life gave me a different weapon—for peace,
And different duties I set it.
Why then should I draw this blade out from its sheath
And stroke the edge lightly, and whet it?

Perhaps as a peaceable poet I should
Get rid of this blade at the fountain?
My dagger would say in reply, if it could:
"Oh no, you're a man of the mountain!"

* * *

Жил певец в ущельях знаменитый,
Сочинил он и оставил нам
Песню, где он сравнивал джигита
С туром, что кочует по горам.

И с тех пор охотник — горец ловкий —
Песню эту пел средь отчих скал
И свою послушную кремневку,
Видя тура, долу опускал.

И другой мой предок был поэтом,
Он сравнил любимую в стихах
С чудной птицей радужного цвета,
Что витает в синих облаках.

С той поры стрелок весь век свой долгий
Стих певучий говорил и пел.
И своей тяжелой гладкостволки,
Видя птицу, вскидывать не смел.

Почему ж святой обычай горцев
Так непочитаем и забыт?
И сегодня слово стихотворцев
Гибели ничьей не отвратит?

С чем должны сравнить мы в песнях лучших
Человека, чтоб спасти от зла?
Чтоб, как ни была бы неминуча,
Смерть людей невинных обошла?

* * *

Once a bard of ancient glory
Wrote and handed down a song,
Saying goats resemble horsemen,
Are as proud and wild and strong.

Ever since that day our hunters,
Skilful mountaineers each one,
Every time they are confronted
By a wild goat, drop their gun.

Another bard, my predecessor,
Once compared his lady love
To a bird with rainbow feathers
Circling high in heaven above.

Thus he sang with zeal untiring
In his lovely lady's praise.
All who heard the song no firearm
At a rainbow-bird would raise.

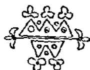
Why has sacred mountain custom
Fallen in disuse of late?
Why are words by poets spoken
Powerless to alter fate?

Now to what should man be likened
So that evil pass him by,
So that death itself be spited
And the innocent not die?

Снова гром грохочет, даль дымится.
Но поэта вопиющий глас
Не спасет ни тура, и ни птицу,
И, наверно, никого из нас.

On the skyline clouds are lowering,
But it seems a poet's call
Shall save neither bird nor wild goat
And not one among us all

НЕ ТОРОПИСЬ

Ты, на заре проснувшись, сделай милость,
Еще хоть миг с собой наедине
Побудь и вспомни все, что ночью снилось'
Смеялся или плакал ты во сне!

И глянь в окно: какая там погода,
Туманна ли округа иль светла?
Метет ли снег до края небосвода
Иль катятся дождинки вдоль стекла?

И если в этот час не бьет тревога,
Вдали обвалом сакли не снесло,
Не торопись и дьяволом с порога
Не прыгай, милый, в горское седло.

Не торопись, как деды завещали,
И всякий раз, с обычаем в ладу,
До каменной околицы вначале
Веди коня лихого в поводу.

Как часто мы, куда-то путь направив,
Брать скакунов не любим под уздцы
И, шпорами бока им окровавив,
Летим быстрей, чем царские гонцы.

У нас рубахи выцвели от соли,
И капли пота льются на виски.
Позабываем спешиться мы в поле,
Остановиться около реки.

Ценить не научились мы поныне
Высоких слов
и запросто порой,

TARRY

Waking early in the morning,
To this rule, I beg you, keep:
Ask yourself, your dreams recalling—
Did you laugh or cry in sleep?

From your window scan the heavens—
Are they dim or blue and bright?
Does thick snow hide hill and heather
Or does sparkling rain delight?

If no avalanche has carried
Cottages on hell-bent course,
If there's no alarum, tarry,
Do not leap astride your horse!

Leaving home, you should not alter
Rules established long ago:
With your horse upon a halter,
On foot to the boundary go.

Loth we are to use the bridle
When we take to horse and road.
On we race like royal heralds,
With red spurs the horse we goad.

From our brow the sweat comes pouring,
On our shirts wet patches show.
On we race, cool streams ignoring,
Passing fields where flowers grow.

How to treat great words is something
We have mastered not at all.

НЕ ТОРОПИСЬ

Ты, на заре проснувшись, сделай милость,
Еще хоть миг с собой наедине
Побудь и вспомни все, что ночью снилось:
Смеялся или плакал ты во сне!

И глянь в окно: какая там погода,
Туманна ли округа иль светла?
Метет ли снег до края небосвода
Иль катятся дождинки вдоль стекла?

И если в этот час не бьет тревога,
Вдали обвалом сакли не снесло,
Не торопись и дьяволом с порога
Не прыгай, милый, в горское седло.

Не торопись, как деды завещали,
И всякий раз, с обычаем в ладу,
До каменной околицы вначале
Веди коня лихого в поводу.

Как часто мы, куда-то путь направив,
Брать скакунов не любим под уздцы
И, шпорами бока им окровавив,
Летим быстрей, чем царские гонцы.

У нас рубахи выцвели от соли,
И капли пота льются на виски.
Позабываем спешиться мы в поле,
Остановиться около реки.

Ценить не научились мы поныне
Высоких слов
и запросто порой,

TARRY

Waking early in the morning,
To this rule, I beg you, keep:
Ask yourself, your dreams recalling—
Did you laugh or cry in sleep?

From your window scan the heavens—
Are they dim or blue and bright?
Does thick snow hide hill and heather
Or does sparkling rain delight?

If no avalanche has carried
Cottages on hell-bent course,
If there's no alarum, tarry,
Do not leap astride your horse!

Leaving home, you should not alter
Rules established long ago:
With your horse upon a halter,
On foot to the boundary go.

Loth we are to use the bridle
When we take to horse and road.
On we race like royal heralds,
With red spurs the horse we goad.

From our brow the sweat comes pouring,
On our shirts wet patches show.
On we race, cool streams ignoring,
Passing fields where flowers grow.

How to treat great words is something
We have mastered not at all.

Что произносят тихо на вершине,
Выкрикиваем громко под горой.

Нам осадить коней бы по старинке
Перед аулом,
мудрыми слывя,
Чтоб разузнать, в нем свадьба иль
поминки,
А мы влетаем голову сломя.

Герои оклеветанные пали
Не на дуэлях в наши времена,
Чьи в запоздалой, но святой печали
Воскрешены бесстрашно имена.

Не выносите спешных приговоров,
Не присуждайте наскоро наград,
Чтоб не краснеть, чтоб избежать укоров,
Когда в пути оглянетесь назад.

И мужество должно владеть собою!
Кто тороплив, кто ветреней молвы,
Тот без коня вернется с поля боя
Или верхом без глупой головы.

Я не зову к покою или спячке,
Я сам люблю дыхание грозы,
Но жизнь есть жизнь, а не бега, не скачки,
И в жизни добывают не призы.

Учи, поэт, суровые уроки
И не бери без боя города,
Чтоб наскоро написанные строки
Не рвать потом, сгорая от стыда.

Ты сел в седло, веселый иль угрюмый,
Не торопись, уму не прекословь,
На полпути остановись, подумай,
И оглянись, и путь продолжи вновь!

Words to whisper on a mountain
In the open plain we bawl.

As we ride up to a village
We should ask, ere we proceed:
"Are you feasting? Or in mourning?"
And not gallop in at speed!

In this century not in duels
Men, unjustly slandered, fell;
With, alas, belated sorrow
Their true deeds at last we tell.

So pronounce no hasty sentence
And no hasty prize bestow,
Lest repentance overwhelm you,
When you glance back at the road.

Boldness must its own self master.
Men, by fickle impulse led,
Walk back horseless from the battle
Or ride home without their heads.

I'm not saying: "Be complacent!"
[illegible]

e.

Poet, learn a sterner lesson—
Take no town without a fight!
Know: the verse that cost no effort
You shall surely burn one night.

Be your spirit gay or solemn,
Let true speech be your firm creed.
On your journey pause to ponder,
First look round, and then proceed!

ЗА ВАС!

В застольной компании людной,
Отбросив торжественный слог,
Вздымаю, как будто бы лунный,
Я бычий вместительный рог.

В нем дар виноградников древний,
Веселья шипучего дар.
В рубиновых каплях полдневный
Долин откликается жар.

И, чествуя солнце в зените
И славу воздав погребам,
Вы к огненным каплям прильните
Как будто бы к женским губам.

А может, к столу не из бочек
Нацежено это вино,
А было добыто из строчек,
Меня опьянивших давно.

Поймите, коль пьете не разом,
А с чувством, как я его пил,
Что холоден старцев в нем разум
И пламенен юности пыл.

Сошлись, соблюдая обычай,
И наши гремят имена,
И рог возвышается бычий,
Что красного полон вина.

TO YOU!

Where many are seated at table,
All high-flown rhetoric I scorn
And raise, like the new moon, a bullock's
Capacious and prodigal horn,

Replete with the gift of the vineyard,
A gift that is gay and profuse:
The afternoon glow of a valley
Is stored in this ruby-dark juice.

So, praising the sun they require
And the vaults where the sun never dips,
We savour these droplets of fire
As keenly as feminine lips.

Or maybe this wine in our glasses
Comes not from the cask, but instead
Has sprung from the eloquent verses
Which long since have gone to my head.

If you, like me, drink with discretion,
Remember this sobering truth:
Good wine has the wisdom of ancients,
The ardour of turbulent youth.

We gather to honour old custom

И годы встают за плечами,
И жизни я дань отдаю..
Поднять этот рог завещали
Солдаты, что пали в бою.

К моей он прижался ладони,
Как месяца лунного брат,
А рядом крылатые кони
По горным вершинам летят.

Пусть литься в глаза мои будет
Тепло человеческих глаз.
Вы так удивительны, люди,
Я пью, дорогие, за вас!

The years vanish over our shoulders.
I render due homage to life
And solemnly honour the soldiers
Who fell in the thick of the strife.

Look, friends—like the crescent moon's brother,
The horn to my hot palm is pressed.
Beside us the fleet-winged horses
Speed over the high mountain crest.

May the warm, loving eyes of humanity
The glow in my own eyes renew!
To you, friends, I gladly pay homage,
And this toast I offer to you!

РОЗА БОЛГАРСКАЯ

Роза болгарская красного цвета,
В герб твоей родины молодой
Тебя,
    если б право имел я на это,
Вписал по соседству бы с красной
                                        звездо

Роза болгарская красного цвета,
Собою ты все затмеваешь цветы.
Тебя,
    если б право имел я на это,
Сделал бы орденом Красоты.

THE ROSE OF BULGARIA

Red is your hue, pretty rose of Bulgaria.
On its state emblem—
so graceful you are—
Were I invested with powers vicarious,
You I'd emblazon beside the Red Star.

Red is your hue, pretty rose of Bulgaria.
No other flower so fair can be named.
Were I invested with powers vicarious,
The Order of Beauty I'd have you proclaimed.

ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Капает дождик, все капает, капает,
Капает на полуголые ветки.
Падают листья, все падают, падают,
Листья на ветках и желты и редки.

Ветер осенний солидным хозяином
Гонит и с воем и с хохотом вза́шей
Сирот, непрошеных и неприкаянных,
Прочь со дворов вдоль по улице нашей.

Их проходящие топчут галошами,
Топчут подошвами в глине и в иле.
Люди забыли, как много хорошего
Им эти листья недавно дарили.

Новые листья — я знаю — завяжутся,
Почки набухнут, как в прошлые годы.
Так почему же мне многое кажется
Несправедливым в законах природы?

YELLOW LEAVES

Gentle showers drip, drop
From the branches bare.
Yellow leaves flip-flop
Here and everywhere.

Lusty, gusty Autumn
Drives them down the street,
Unbeloved orphans
Beating a retreat.

People passing mutely
Trample in the mire
Flimsy leaves whose beauty
Once they did admire.

Trees, of course, create
New foliage in Spring.
Still, the law of Nature
Seems a cruel thing.

Всегда во сне нелепо все и странно.
Приснилась мне сегодня смерть моя.
В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я.

Звенит река, бежит неукротимо.
Забытый и не нужный никому,
Я распластался на земле родимой
Пред тем, как стать землею самому.

Я умираю, но никто про это
Не знает и не явится ко мне,
Лишь в вышине орлы клекочут где-то
И стонут лани где-то в стороне.

И чтобы плакать над моей могилой
О том, что я погиб во цвете лет,
Ни матери, ни друга нет, ни милой,
Чего уж там — и плакальщицы нет.

Так я лежал и умирал в бессилье
И вдруг услышал, как невдалеке
Два человека шли и говорили
На мне родном, аварском языке.

В полдневный жар в долине Дагестана
Я умирал, а люди речь вели
О хитрости какого-то Гасана,
О выходках какого-то Али.

И, смутно слыша звук родимой речи,
Я оживал, и наступил тот миг,

* * *

[illegible]
[illegible]
[illegible]
*A bullet in my side.**

A mountain torrent thunders by,
In vain I wait for help.
Upon the dusty earth I lie,
Soon to be dust myself,

For no one knows that here I die
And nothing comes in view
But eagles wheeling in the sky,
A shy young deer or two.

To mourn my most untimely death
And weep in solemn chorus
Come neither mother, wife, nor friend,
Not even village mourners.

Yet just as I prepare to die
Unnoticed and unsung,
I hear two men go passing by
Who speak my native tongue.

In a deep ravine I lie unseen:
[illegible]

---

* Lines quoted from Lermontov (1814-1841).

Когда я понял, что меня излечит
Не врач, не знахарь, а родной язык.

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.

Я за него всегда душой болею.
Пусть говорят, что беден мой язык,
Пусть не звучит с трибуны Ассамблеи,
Но, мне родной, он для меня велик.

И чтоб понять Махмуда, мой наследник
Ужели прочитает перевод?
Ужели я писатель из последних,
Кто по-аварски пишет и поет?

Я жизнь люблю, люблю я всю планету,
В ней каждый, даже малый, уголок,
А более всего Страну Советов,
О ней я по-аварски пел, как мог.

Мне дорог край цветущий и свободный,
От Балтики до Сахалина — весь.
Я за него погибну где угодно,
Но пусть меня зароют в землю здесь!

Чтоб у плиты могильной близ аула
Аварцы вспоминали иногда
Аварским словом земляка Расула —
Преемника Гамзата из Цада.

And as I hear the Avar speech
My strength comes flowing back—
This is a cure no doctors teach,
Nor any village quack.

May other tongues cure other men
In their particular way,
But if tomorrow Avar die,
I'd rather die today!

No matter if it's hardly used
For high affairs of state,
It is the language that I choose—
To me Avar is great!

Shall my successors only read
Translations of Makhmud?
Am I the last Avar to write
And still be understood?

I love this life, the whole wide world
I view with loving gaze.
But best I love the Soviet land
Which I—in Avar—praise.

I'd die for this free land of [illegible]

[illegible]
That in my grave I rest,

And let it be in Avar words
That Avars meeting there
Speak of Rasul, an Avar poet,
An Avar poet's heir.

СТИХИ О БУМАГЕ

На фабрике бумажной, где искусны
Машины, где огромные котлы, —
Мне вспоминались строки писем грустных,
Как сводят лес, как падают стволы.

Я омраченный взгляд бросал украдкой,
Вопросы задавая невпопад,
На сохранивший запах хвои сладкой
Уже не лес, а полуфабрикат.

Готовые к жестоким превращеньям,
Лежали бревна — бывшие леса,
Где обитали белки и олени
И ветви упирались в небеса.

И вот листы бумажные белы,
А я гляжу и думаю с тоскою:
Чтоб им родиться, ветви и стволы
Сошли на нет, пожертвовав собою.

Ужель на месте леса пни торчат
Лишь для того, чтобы бумагу черство
Извел в тупом усердье бюрократ
И графоман в потугах стихотворства?

Ужель сведенный лес столетья рос
И пал на землю, топору послушный,
Чтоб злопыхатель написал донос,
Дурак придумал циркуляр ненужный?

И все ж не зря погибли дерева.
В тетрадях, не исписанных впустую,

A POEM ABOUT PAPER

Once in a steaming paper-mill
Where wheels went spinning round
I thought of thoughtless men who still
Fell forests to the ground.

Furtive and sullen was my gaze,
My questions were inept.
The timbers, on their way to paste,
Warm tears of resin wept.

Ready to face a cruel change
Lay logs that once were trees
Beneath whose boughs the deer did range,
Whose foliage rode the breeze.

To make these leaves of paper slim
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Must trees be cut so bureaucrats
May stuff their dusty file
With paper-work, so maniacs
May write verse by the mile?

Must trees which grew for centuries
Fall down before an axe
To bear informers' messages
And fools' enormous tracts?

To trees we're gratefully in debt:
A child on paper draws

Малыш начертит первые слова,
Мудрец закон великий обоснует.

Поэт любимый ночи напролет
Глаз не сомкнет и озарит страницы,
И лес столетний в слове оживет,
Запахнет хвоя, защебечут птицы.

И будет этот лес из века в век
Шуметь ветвями, кровь тревожить
в жилах,
И ни один на свете дровосек
Свалить его стволы не будет в силах.

The letters of the alphabet
And wise men write good laws.

Trees do not die in vain: one night
A poet toils till dawn,
And on the page by candlelight
The forest is reborn.

And there man, beast and bird relax
In everlasting joy,
For powerless are saw and axe
This forest to destroy.

* * *

Оставьте одного меня, молю,
Устал я от дороги и от шума.
Я на траве, как бурку, расстелю
Свою заветную мечту и думу.

О люди, подойдите же ко мне,
Возьмите в путь: я никогда не думал,
Что будет страшно так наедине
С моей мечтой, с моей заветной думой.

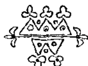

* * *

To be alone is all I ask.
I wish to quit the weary road
And, like a cloak, upon the grass
My thoughts and precious dreams unfold.

Come, people, carry me along
With you! I did not realise
How wretched I would be alone
With all the dreams and thoughts I prize.

Сегодня ночью было мне виденье.
Мне сон приснился: будто наконец
Такое я сложил стихотворенье,
Что встал из гроба старый мой отец.

Мою он слушал песню, словно чудо,
И после песню сам запел свою.
И вдалеке над нами тень Махмуда
Мелькнула вдруг у бездны на краю,

И сам Махмуд спел песню в этот вечер,
Во дни былые стекшую с пера.
И встали из могил его предтечи,
Чтоб слушать эту песню до утра.

Мой юный друг, мой продолжатель
милый,
Когда умру я, твой земляк Расул,
Сложи стихи, чтоб встал я из могилы
И, успокоенный, опять уснул.

* * *

I bad a vision as I drowsed,
[illegible]
[illegible]
[illegible]

He heard my song with eyes aglow
Then sang me one of his,
And lo!—Makhmud's own ghost arose
Beside the deep abyss.

Makhmud appeared and sang a song
[illegible]

Young poet who shall follow me
When in dull earth I'm pressed,
Awake me with your poetry
So I may lie at rest!

КРАДУТ СТИХИ

Когда бы мог, послал в дозоры
Я вольных горских пастухов,
Чтоб расплодившиеся воры
Не похищали бы стихов.

Они не из моей ли книги
Однажды целых восемь строк
Угнали, словно две квадриги,
Чьи кони выезжены в срок?

Грустил давно ли от досады,
И вот опять средь бела дня
Они, как лошадь конокрады,
Строку угнали у меня.

И держит голову не стройно
У них в плену моя строка,
Что загнана в чужое стойло
И перекрашена слегка.

Я кунаку о краже этой
Толкую, сидя меж людьми,
Но отвечает он:
— Не сетуй,
А поздравления прими!

VERSE STEALERS

I need a shepherd lad or two
Who would not be averse
To beating off the brigands who
Are fond of stealing verse.

Once from a book of mine did not
The rogues eight verses wrest
And, like quadrigas, drive them off—
Two chariots, four abreast?

The loss embittered me, of course,
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Look, in captivity her stance
Has changed; her sheen has, too.
For she is on a different ranch
And dyed a different hue.

One day I told the village wits
That I would lay a trap.
"Don't waste your time," they told me. "It's
A feather in your cap!

Ты, брат, гордиться можешь.

Или

Забыл, что в поисках удач
Все конокрады обходили
Владельцев водовозных кляч?

"You should be proud, for as a rule
Horse thieves are very smart
And never stoop to steal the mule
That hauls a water-cart."

* * *

Не потому, что ты не слышишь их,
Тебе стихов я новых не читаю,
А потому, что свято почитаю
Адат, что был незыблем для двоих.

По этому адату мы своих
Стихов с тобой друг другу не читали
И всякий раз, отец,
предпочитали
В ауле их услышать от других.

* * *

Father, I do not read to you
New verse that you might know it,
Because from you I've learned the true
Behaviour of a poet.

To act as spokesman for new verse
Is not his proper labour
And he prefers to hear it first
Recited by a neighbour.

ПРОКЛЯТИЕ

Проклятье бурдюку дырявому,
В котором не хранят вино,
Проклятие кинжалу ржавому
И ржавым ножнам заодно.

Проклятие стиху холодному,
Негреющему башлыку,
Проклятье вертелу свободному,
Нежарящемуся шашлыку!

Проклятье тем, кто и понятия
Иметь о чести не привык,
Проклятие, мое проклятие
Унизившим родной язык.

Тому проклятье, в ком прозрения
Не знала совесть на веку.
Пусть примет тот мое презрение,
Кто дверь не отпер кунаку.

Будь проклято в любом обличии
Мне ненавистное вранье.
Забывшим горские обычаи
Презренье горское мое!

Будь проклят, кто на древе замысла
Боится света, как сова.
И тот, кто клятвенные запросто
Бросает на ветер слова.

В кавказца, как бы он ни каялся,
Проклятьем выстрелю в упор,

A CURSE

A curse on leaky skins
That cannot carry wine!
A curse on knives and pins
That do not keep their shine!

A curse on cloaks which chill,
On verse that's cold and slick,
On spits that undergrill
A succulent shashlyk;

On men who talk to you
Of honour—but have none,
A curse on authors who
Debase their mother tongue;

On men who all their lives
A conscience never saw,
On anyone who drives
His kinsman from the door!

A curse on cant and lies,
The source of many ills,
On hillmen who despise
The custom of the hills;

On men who, like the owl,
Of daylight are afraid,
Who break a solemn vow
As soon as it is made!

I'll curse, if even now
The tears run down their cheeks,

Когда бы он начальству кланялся,
А не вершинам отчих гор.

Будь проклят, кто забыл о матери
Иль в дом отца принес позор.
Будь проклят тот, кто невнимателен
К печали собственных сестер.

Проклятье лбу тупому, медному
И тем, кто лести варит мед,
Проклятие юнцу надменному,
Что перед старцем не встает.

Проклятье трусу в дни обычные,
Проклятье дважды на войне.
Вам, алчные, вам, безразличные,
Проклятье с трусом наравне.

Мне все народы очень нравятся,
И трижды будет проклят тот,
Кто вздумает,
кто попытается
Чернить какой-нибудь народ

Да будет проклят друг,
которого
Не дозовешься в час беды.
И проклят голос петь готового
В любом кругу на все лады!

Caucasians who bow
To men instead of peaks!

A curse on all who spurn
Their parents, all who show
No brotherly concern
For their own sister's woe!

At men of blind conceit
My curses I direct,
At youths who fail to treat
Their elders with respect.

Cowards I curse in peace
And doubly curse in war.
Greed, callousness, caprice
I curse no less, no more.

All nations I esteem,
So here's a treble curse
On shameless men who deem
One good, another worse.

A curse on friends who may
Desert me in a squall,
A curse on those who play
Whatever tune is called!

ПЕСНЯ

Певице Муи Хасановой

Простился в отчей стороне
Отец мой с белым светом.
И мама ночью при луне,
Качая люльку, пела мне
И плакала при этом.

Мой друг был парень хоть куда,
Но изменил мне летом.
Тогда была я молода.
Шептала мама: «Не беда»,
И плакала при этом.

Я, бубен взяв, пустилась в пляс.
И песням, мною спетым,
Потерян счет в горах у нас
Их мама слушала не раз.
И плакала при этом.

Не стало мамы у меня.
В платке, что черен цветом,
Я, низко голову клоня,
Всю ночь сидела без огня
И плакала при этом.

SONG

For the singer Mui Hasan

My father left us all too soon,
One bitter day he died.
My mother by the rising moon
Did rock my cot and softly croon
And, as she sang, she cried.

I thought my love an honest man
And wished to be his bride.
He broke his vow to me and ran.
"You're well rid of that ruffian!"
My mother said, and cried.

So then I took my tambourine
And on the mountainside
I danced and sang with merry mien.
My anxious mother watched the scene,
And as she watched she cried.

My mother died not long ago.
A mourning scarf I tied
Around my head and, bent in woe,
Kept watch until the dawn's first glow
And all the night I cried.

Любо мне смотреть на двух друзей,
Самых любящих и самых лучших,
Мне бы подойти к нему и к ней,
Чтоб нас стало трое неразлучных.

Быть трехкрылой птице не дано.
По земле я, никому не милый,
Волочу свое крыло одно...
Птице быть несладко однокрылой!

* * *

[illegible] friend
[illegible]
[illegible]
In an inseparable trio.

But it's absurd—a three-winged bird!
Alone wing trailing, loved by none,
I hobble by. For how can I,
A cripple, fly with only one!

«Радость, помедли, куда ты летишь?»
«В сердце, которое любит!»
«Юность, куда ты вернуться спешишь?»
«В сердце, которое любит!»

«Сила и смелость, куда вы, куда?»
«В сердце, которое любит!»
«А вы-то куда, печаль да беда?»
«В сердце, которое любит!»

* * *

Stay, Joy! Whither are you racing?
"To a heart in love!"
Whither, Youth, your steps retracing?
"To a heart in love!"

Whither, Strength? And whither, Courage?
"To a heart in love!"

. . ,

. .

ЕСЛИ В МИРЕ ТЫСЯЧА МУЖЧИН...

Если в мире тысяча мужчин
Снарядить к тебе готова сватов,
Знай, что в этой тысяче мужчин
Нахожусь и я — Расул Гамзатов.

Если пленены тобой давно
Сто мужчин,
чья кровь несется с гулом,
Разглядеть меж них не мудрено
Горца, нареченного Расулом.

Если десять влюблены в тебя
Истинных мужей —
огня не спрятав,
Среди них, ликуя и скорбя,
Нахожусь и я — Расул Гамзатов.

Если без ума всего один
От тебя, не склонная к посулам,
Знай, что это с облачных вершин
Горец, именуемый Расулом.

Если не влюблен в тебя никто
И грустней ты сумрачных закатов,
Значит, на базальтовом плато
Погребен в горах Расул Гамзатов.

IF IN THIS WORLD A THOUSAND MEN..

If in this world a thousand men
With love for you are smarting,
Know that among those thousand men
Am I, Rasul Gamzatov.

If to your love
one hundred men
Are being willing martyrs,
Among them seek the mountaineer
By name Rasul Gamzatov.

If ten fine fellows
you entrance,
Among those glad to barter
Their fortune for a loving glance
Am I, Rasul Gamzatov.

Should but one lover seek your hand
With fearless, peerless ardour,
Be sure the man's none other than
The mountaineer, Gamzatov.

Should no one for your favours plead,
And sit you broken-hearted,
Upon a graveyard stone go read:
"Here lies Rasul Gamzatov".

В АХВАХЕ

Другу Мусе Магомедову

Чтоб сердце билось учащенно,
Давай отправимся в Ахвах,
Узнаем, молоды ль еще мы
Иль отгуляли в женихах?

Тряхнем-ка юностью в Ахвахе
И вновь, как там заведено,
Свои забросим мы папахи
К одной из девушек в окно.

И станет сразу нам понятно,
В кого девчонка влюблена:
Чья шапка вылетит обратно,
К тому девчонка холодна.

...Я вспоминаю месяц тонкий,
Поры весенней вечера
И о любви лихие толки, —
Все это было не вчера.

В тот давний год подростком ставший,
Не сверстников в ауле я,
А тех, кто был намного старше,
Старался залучить в друзья.

Не потому ли очутился
С парнями во дворе одном,
Где раньше срока отличился,
И не раскаиваюсь в том.

Листва шуршала, словно пена,
Светила тонкая луна.

IN AKHVAKH

To my friend Musa Mahomedov

Let us go where girls entrance us—
To Akhvakh return!
Let us see if our advances
They will greet or spurn.

We'll observe the age-old rite
Of setting hearts aglow.
Through a maiden's window wide
Our fine caps we'll throw.

We'll discover straightaway
Who the favourite is:
From her window back shall come
Every cap but his.

Palest moonlight I recall
And the streets below
Where we argued life and love
All so long ago!

Barely grown to manhood then,
Shy I would not be
In the company of men
Senior to me.

That spring night I found myself
Near a house, all set
To display the forwardness
I do not regret.

Plane-trees murmured like the surf.
In an upstairs room

Мы долго слушали, как пела
Горянка, сидя у окна.

Про солнце пела, и про звезды,
И про того, кто сердцу мил.
Пусть он спешит, пока не поздно,
Пока другой не полюбил.

Что стала трепетнее птахи
Моя душа — не мудрено,
А парни скинули папахи
И стали целиться в окно.

Здесь не нужна была сноровка.
Я, словно жребий: да иль нет,
Как равный кепку бросил ловко
За их папахами вослед.

Казалось, не дышал я вовсе,
Когда папахи по одной,
Как будто из закута овцы,
Выскакивали под луной.

И кепка с козырьком, похожим
На перебитое крыло,
Когда упала наземь тоже,
Я понял — мне не повезло.

А девушка из состраданья
Сказала:
«Мальчик, погоди.
Пришел ты рано на свиданье,
Попозже, милый, приходи».

Дрожа от горя, как от страха,
Ушел я — раненый юнец.
А кто-то за своей папахой
В окно распахнутое лез.

Промчались годы, словно воды,
Не раз листвы кружился прах.
Как через горы, через годы
Приехал снова я в Ахвах.

Was the girl whose song we heard. . . .
Palely shone the moon.

Of the sun and stars she sang
And about her lover,
Urging him to hasten lest
She should find another.

As I felt my knees collapse
And my senses spin,
My companions doffed their caps
And sent them flying in.

This could easily be done,
So my courage grew:
Hard upon a furry one
My cloth cap I threw.

How my pounding heart did leap,
My breathing quicken, when
The caps came hurtling back like sheep
Escaping from a pen!

When my cap with broken peak—
A duck with broken wing—
Hit the dust, I could not speak
Nor think of anything.

The girl, however, pitied me:
"You've come too soon, my dear!
But wait awhile" (she gaily smiled)
"Come back another year!"

I departed, broken-hearted,
And in anguish wept
While a youth—the favoured one—
Through her window crept.

Many freezing winters passed,
Many summers burned
Hill and field, before at last
Thither I returned.

Невесты горские...
Я пал ли
На поле времени для них?
Со мной другие были парни,
И я был старше остальных.

Все как тогда: и песня та же
И шелест листьев в тишине.
И вижу,
показалось даже,
Я ту же девушку в окне.

Когда пошли папахи в дело,
О счастье девушку моля,
В окно раскрытое влетела
И шляпа модная моя.

Вздыхали парни, опечалясь,
Ах, отрезвляющая быль:
Папахи наземь возвращались,
Слегка приподнимая пыль.

И, отлетев почти к воротам,
Широкополая моя
Упала шляпа, как ворона,
Подстреленная из ружья.

И девушка из состраданья
Сказала, будто бы в укор:
«Пришел ты поздно на свиданье,
Где пропадал ты до сих пор?»

Все как тогда, все так похоже.
И звезды видели с небес:
Другой, что был меня моложе,
В окно распахнутое лез.

Mountain maids. . . . How would I fare?
Would I catch their eye?
Of the other suitors there
None was as old as I.

As before, a pale moon beamed
On the rooftops flat
And the selfsame girl, it seemed,
At the window sat.

When the men their fur caps threw,
In hope her love to share,
I sent my own hat sailing through
The open window there.

Some young suitors mourned their lack
Of luck and stood nonplussed
When their caps came sailing back,
Raising clouds of dust.

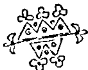
Like a crow that's shot first go,
So short-lived its fate,
My broad hat flew out and skimmed
To the very gate.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

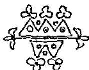
All else was as before, the sky
And stars the same, except
It was a younger man than I
That through her window crept.

И так весь век я, как ни странно,

Спешу,
надеждой дорожу,
Но прихожу то слишком рано,
То слишком поздно прихожу.

So, all my life I seek the boon
Of love, but cruel Fate
Decrees I either come too soon
Or else arrive too late.

ТРИ ЖЕНЩИНЫ

Три женщины в путь провожали меня.
Одна прислонилась к платану
И бросила вслед,
                    головы не клоня:
— Забудешь, я плакать не стану.

Вторая стояла близ отчих дверей,
Кувшин она полный держала.
И я услыхал:
                    — Возвращайся скорей!
А третья, вздохнув, промолчала.

О первой забыл я за первой горой,
Белевшей под облаком алым,
И с легкой душою в пути о второй
Забыл за вторым перевалом.

Летал и кружил я по сотням дорог,
Подхлестывал время, как плетью,
Но все ж позабыть за горами не мог
Из трех, мной целованных, третью.

И первая, злая, на крыше ждала,
Когда я вернулся к вершинам.
И вышла вторая, добра и мила,
Навстречу мне с полным кувшином.

THREE WOMEN

I kissed three women when I left.
Beneath a *spreading yew*
One stood and said:
"If you forget,
I'll shed no tear for you!"

The second in the doorway held
A pitcher at her side
And bid me:
"Hurry back! Farewell!"
The third stood still and sighed.

The first I speedily forgot
Beneath the glowing skies.
The second I remembered not
Beyond the second rise.

I rode and strode along the road
And sluggish Time I spurred,
For always I was haunted by
Remembrance of the third.

The first, the shrew, was on the roof
To watch me gallop in.
The second, suave and *smiling,* gave
Me water from the spring.

А третью,
хоть даже не стала встречать,
Забыть не сумею и впредь я.
И будет ночами мне сниться опять
Из трех, мной целованных, третья.

The third was nowhere to be seen,
Her presence there I missed.
And she's the one I dream about—
The third and last I kissed.

Три страстных желанья —
одно к одному —
Душа во мне пламенно будит...
Еще одну женщину я обниму,
А после — что будет, то будет.

Еще один рог за столом осушу,
За это сам бог не осудит.
Еще один стих о любви напишу,
А после — что будет, то будет.

Я женщину обнял, но словно она
Не та, что светила надежде.
И уксусом кажутся капли вина,
И стих не искрится, как прежде.

И пущенный кем-то обидный хабар[1]
Над горной летит стороною
О том, что угас моей лихости жар
И конь захромал подо мною.

Себя отпевать я не дам никому,
Покуда, —
пусть мир не забудет, —
Еще одну женщину не обниму,
А после — что будет, то будет.

Покуда еще один рог не допью
И, каждое взвесив словечко,
Покуда стрелу не заставлю свою
Попасть в золотое колечко.

---

[1] Хабар — сплетня.

* * *

My spirit compulsively kindles
Three fiery wishes in me:
To hold in my arms one more woman
And then—what will be, will be!

To drain one more horn with a flourish—
God shall not hold this against me;
To pen yet another love lyric
And then—what will be, will be!

I held one more woman but, winning her,
Found fiery hope was a frost,
The wine tasted sharper than vinegar,
My lyrics their brilliance lost.

A scurrilous rumour some villain
Has spread to disparage my name,
Alleging my passion has wilted,
My horse is off colour and lame.

Please note: I'll have no one deliver
A funeral speech over me
Until I have kissed one more woman,
And then—what will be, will be!

Until one more horn I have emptied
And making each feathered word sing
[illegible]
[illegible]

Я звезды зажгу у стиха в головах,
И время его не остудит.
И вы удивленно воскликнете:
«Вах!»..
А после — что будет, то будет.

When fire and verse I have blended
In a manner that none could foresee
And you, my friends, cry: "O how splendid!"
Why, then—what will be, will be!

Три раза падал и ломал я ноги:
Сперва ненастье подвело меня,
Потом бугры и ямы на дороге,
А в третий раз — горячий прав коня.

Сперва был дождь и град, а после иней,
Потом был путь размыт, как на беду,
Потом, бог весть уж по какой причине,
Ты не пришла, а я все жду и жду!

И так всю жизнь надеюсь, жду напрасно,
И вот теперь, уже на склоне лет,
Дорога хороша, и небо ясно,
И конь мой смирен, а тебя все нет.

Three times I fell, on each occasion snapping
A bone. Foul weather was at first the cause,
And then a bumpy road that caught me napping,
And, finally, too mettlesome a horse.

First, there was rain and hail; then roads were icy
Or washed away by floods; the next time, you—
God only knows just what it was precisely—
You never came. I waited—and still do!

To wait in vain would seem my life-long mission
And now, when I to death may soon succumb,
The weather's fine, the road's in good condition,
The horse is docile—but you still don't come!

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Мы вместе по зимнему лесу снегами
Бродили весь день, но понять не могу,
Как вышло, что рядом с моими следами
Твоих я не вижу следов на снегу.

Я слушал, здесь только что песни звучали.
Ты песни мне пела, а лес повторял.
Твои онемевшие пальцы не я ли
Сейчас вот в ладонях своих согревал?

За ель забежав, раскрасневшись от стужи,
Дразнила меня: «Догони, не боюсь!»
И если сейчас не тебе, то кому же,
Сбиваясь, читал я стихи наизусть?

Не ты ли смеялась, не ты ли сердилась,
Меня упрекала за то, что не прав?
Скажи, не тебе ль я сдавался на милость,
Все шаткие доводы исчерпав?

Со мною ты шла по снегам непримятым.
Но где же следы? Я понять не могу...
Один я... А мысли всего лишь крылаты,
От них не бывает следов на снегу!

FOOTPRINTS IN THE SNOW

Together through the wintry woodland
All day we wandered without pause.
How come, then, that beside my footprints
I cannot see a print of yours?

Just now was not the woodland ringing
With echoes of the song you sang?
Did I not hold your frozen fingers
And warm them in my eager hands?

Did you not run behind a fir-tree
And cry: "Give chase! I'm not afraid!"?
If you were not the other person,
Who was it heard my verse tirade?

Was it not you who laughed, grew angry,
Who said that I was in the wrong?
Was it not you saw my surrender
When your persuasion proved too strong?

Through virgin snow you strode beside me.
Where are your tracks? I do not know.
I walk alone. Thought flutters wildly
But leaves no footprint in the snow.

* * *

П. Ю.

Дождик за окном — о тебе я думаю,
Снег в саду ночном — о тебе я думаю.
Ясно на заре — о тебе я думаю,
Лето на дворе — о тебе я думаю.
Птицы прилетят — о тебе я думаю,
Улетят назад — о тебе я думаю.
Зелены кусты, скрыты ли порошею, —
Ни о чем невмочь, — о тебе я думаю
Уж, наверно, ты девушка хорошая,
Если день и ночь о тебе я думаю.

To P. U.

Rain upon the sill—dazedly I dream of you,
Snow upon the hill—dazedly I dream of you.
Cloudless skies at dawn—dazedly I dream of you,
Fields of summer corn—dazedly I dream of you.
Swallows dip and dart—dazedly I dream of you,
Gather and depart—dazedly I dream of you.
Leaves that blow and whirl, leaves aglow with honey-dew
Give me no respite—*dazedly I dream of you.*
Surely you're a girl better than I ever knew
If all day and night dazedly I dream of you.

— Скажи, каким огнем был рад
Гореть ты в молодости, брат?
— Любовью к женщине!

— Каким, не избежав потерь,
Горишь огнем ты и теперь?
— Любовью к женщине!

Каким, ответь, желаешь впредь
Огнем пожизненно гореть?
— Любовью к женщине!

— Чем дорожишь ты во сто крат
Превыше славы и наград?
— Любовью женщины!

— Чем был низвергнут, как поток,
И вознесен ты, как клинок?
— Любовью женщины!

— С чем вновь,
как рок ни прекословь,
Разделишь не на срок любовь?
— С любовью женщины!

—А с чем, безумный человек,
Тогда окончится твой век?
— С любовью женщины!

* * *

Come, say what was the fire
Inflamed your young desire?
"Love of a woman!"

Today what is the torch
You blaze with, not unscorched?
"Love of a woman!"

With what flame do you yearn,
While yet alive, to burn?
"Love of a woman!"

What do you treasure more
Than honours by the score?
"Love of a woman!"

What nets you in despair
And lets you walk on air?
"Love of a woman!"

Can anything compare
With love that is so fair?
"Love of a woman!"

With what, O reckless man,
Shall you conclude your span?
"Love of a woman!"

Слово скажи, погляди на меня,
Знак мне подашь — я взойду на вершину,
Скажешь — я брошусь в пучину огня,
Брошусь в морскую пучину.

Я обойду половину земли.
Имя прославлю твое, дорогая.
Сделаю все, только ты повели
Да поцелуй, провожая.

* * *

Grant me but one glance adoring,
Say one word—I'll go
Headlong into fire or water,
Dash through hail or snow,

Scale a mountain at your bidding,
Plumb a precipice,
Mark the outermost meridian
For one parting kiss!

ВОН У ТОГО ОКНА

«Ты где, мое сердце, дай мне ответ?»
«Вот у того окна!»
В груди моей пусто, сердца там нет,
В груди моей боль одна.

«Где вы, мечты мои, светлые, где?»
«Вот у того окна!»
За моим окном человек в беде,
Комната холодна.

«Где же вы, где вы, мои глаза?»
«Мы у того окна!»
В пустых глазницах моих слеза,
Горяча и солона.

«Стихи мои, где же вы? С вами беда,
В чьем вы томитесь плену?
Строчки мои, вы летите куда?»
«Летим мы к тому окну!»

«Где, мысли мои, вы ночью и днем?»
«Мы у того окна!»
«А кто обитает за тем окном?»
«Двое: муж да жена».

AT THE WINDOW UP THERE

Where are you, Heart?
"At the window up there!"
How my breast hurts,
Robbed of heart, full of care!

Where are you, Dreams?
"At the window up there!"
O how cold the room
To me in despair!

Where are you, Eyes?
"At the window up there!"
My empty sockets
Tearfully stare.

Where are you, Verse?
What rivets you so?
Whither so fast?
"To the window I go!"

Where are you, Thoughts?
"At the window up there!"
Who are those people?
"A fortunate pair."

Он да она, а я здесь при чем?
Была мне знакома она...
Я, бывало, разбуженный первым лучом,
Глядел из того окна.

Why so forlorn?
"Once for me she did care....
I watched the dawn
From the window up there."

* * *

Какую песню спеть тебе, родная?
Спи! Ночь в июле только шесть часов.
Лежанку, где лежишь ты, засыпая,
Я, словно колыбель, качать готов.

«Спокойной ночи», — говорю я снова.
Я верую, что не настанет дня,
Когда тебе два этих тихих слова
Промолвит кто-нибудь поздней меня.

Пусть, милая, тебе спокойно спится,
А я пока долину осмотрю,
Скажу, чтоб вовремя запели птицы,
Задую звезды и зажгу зарю.

Рассвет грядущий темень ночи смажет,
И мы восславим вновь начало дня.
Пусть «утро доброе» тебе не скажет
Никто на свете ранее меня.

* * *

Sleep, my darling! Darkness flows
So swiftly in July.
Could I rock you as you doze,
I'd sing a lullaby!

What to whisper in your ear
As shadows intertwine?
May the last "Good night!" you hear
Always, dear, be mine!

Nothing shall your slumbers mar:
I'll watch the vale below,
Rouse the lark, blow out each star
And set the East aglow.

Shadows flee. New day is dawning,
Golden and divine.
Always may the first "Good morning!"
That you hear be mine!

МНЕ В ДОРОГУ ПОРА

Дорогая моя, мне в дорогу пора,
Я с собою добра не беру.
Оставляю весенние эти ветра,
Щебетание птиц поутру.

Оставляю тебе и сиянье луны,
И цветы в тляротинском лесу,
И далекую песню каспийской волны,
И спешащую к морю Койсу.

И нагорья, где жмется к утесу утес,
Со следами от гроз и дождей, —
Дорогими, как след недосыпа и слез
На любимых щеках матерей.

Не возьму я с собою сулакской струи.
В тех краях не смогу я сберечь
Ни лучей, согревающих плечи твои,
Ни травы, достигающей плеч.

Ничего не возьму, что мое искони,
То, к чему я душою прирос, —
Горных тропок, закрученных, словно ремни,
Сладко пахнущих сеном в покос.

IT'S TIME FOR ME TO GO

It's time, high time for me to go,
No things I take along.
I leave the winds that lightly blow,
The thrushes' earlv song.

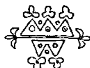
I leave the moonlit night, the trees,
The flowers in the grass,
The murmuring of distant seas,
The torrent's mighty bass,

The gorges wind and rain have carved
In rugged mountain peaks,
As dear as my own mother's scarred
And weather-beaten cheeks.

I leave with you the river's lustre
And the lazy glow
Of rays that round your shoulders cluster
When the sun is low.

I leave with you what's mine from birth
As much as flesh and bone:
The winding path, the scent of earth,
Of hay that's newly mown.

Я тебе оставляю и дождь и жару,
Журавлей, небосвод голубой...
Я и так очень много с собою беру:
Я любовь забираю с собой.

I leave the cooling rain, the baking
Sun, the skies above....
Instead, the greatest treasure taking
On my way—your love.

* * *

Если б каждая дума моя о тебе
Стать могла стихотворной строкой,
Я уверен, что книги большой о любви
Ты второй не сыскала б такой.
Но пока эта книга мала и тонка,
Ведь над ней я не часто сижу,
Потому что мне жалко стихам отдавать
Те часы, что с тобой провожу.

* * *

If every loving thought and look
Became a lyric line,
There'd be no bigger poetry book
On themes of love than mine.
But still the book is small—what's worse,
I'm writing nothing new:
Whatever time I have for verse
I'd rather spend with you.

Я ВЛЮБЛЕН В СТО ДЕВУШЕК

Я в сотню девушек влюблен,
Они везде, повсюду,
Они и явь, они и сон,
Я век их помнить буду.
Я помню давнюю весну:
Мальчишка босоногий,
Я встретил девочку одну
С кувшином на дороге.
Казалось, девочка была
Совсем, как тот кувшин, мала.
Вода была холодной в нем —
Я знал наверняка, —
Но обожгла меня огнем
Вода из родника.
Таил насмешку быстрый взор...
Ее люблю я до сих пор.

А позже — в стужу и весной
У сизых волн каспийских
Я брел за девушкой одной,
Не подходя к ней близко.
Ходил за ней я как во сне,
По улицам кружа,
А чтоб увидеть тень в окне
Второго этажа,
Влезал я на высокий клен...
Я до сих пор в нее влюблен.

Не позабыть, пока живу,
Мне девушки одной,
Что как-то ехала в Москву
В одном купе со мной.

A HUNDRED WOMEN I ADORE

A hundred women I adore,
I see them all about.
Awake—asleep, I swoon—I soar
But cannot blot them out.
A girl I never can forget
First woke my heart to joy
When, coming to the spring, she met
A barefoot country boy.
The little girl seemed from afar

To take up from the spring.
Cool? No! For, standing there, I felt
It scald my flesh, and sting.
Her glance, so keen and fancy-free,
Still to this day entrances me.

Later, wandering idly by
The dove-grey Caspian's shore,
I loved a girl, but was too shy,
To knock upon her door.
So I would roam about her home
A suitor out of mind,
A maple-tree I'd climb to see
Her shadow on the blind.
She lived up on the second floor....
And still that young girl I adore.

And there's another young girl, who
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Спасибо, дорогой кассир,
Что дал места нам рядом,
Что с ней в одно окно на мир
Одним смотрели взглядом.
Так, рядом с ней, вдвоем, без слов
Всю жизнь я ехать был готов.

Мне злая девушка одна
И до сих пор мила,
Что, раздраження полна,
Стихи мои рвала.

Люблю я взгляд веселых глаз
Одной девчонки милой,
Что в восхищенье столько раз
Стихи мои хвалила.

Я в злую девушку влюблен,
В простую девушку влюблен,
И в очень строгую влюблен,
И в недотрогу я влюблен,
И в равнодушную влюблен,
И в девушку смешливую,
И я в послушную влюблен,
Влюблен я и в строптивую.
Я в каждом городе влюблен,
На всех путях-маршрутах,
В студенток разных я влюблен
Всех курсов института.
Своей любовью окрылен,
Их всех зову я «милой», —
Я в сотню девушек влюблен
С одной и той же силой.

Но ты мрачнеешь — неспроста!
Ты даже с места встала.
«Ах, значит, я одна из ста?
Спасибо, я не знала!..»

Я отвечаю: нет, постой,
Мой друг, все сто в тебе одной!
Сто разных девушек в тебе,
А ты одна в моей судьбе!..

I'm grateful, booking clerk, to you
Who set her at my side
So that we viewed the landscape through
One carriage-window wide.
And all my life beside this girl
I'd gladly travel through the world.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
My manuscript to shreds.

Another girl I still adore
With merry twinkling eyes,
Who praised a hundred times or more
My poetry to the skies.

A girl who's spiteful I adore,
A simple girl, too, I adore,
And one who's prudish I adore,
And one who's touchy I adore,
And one who finds it all a bore.
The girl who's very tractable,
The merry girl, too, I adore
And even the refractory.
There is a girl whom I adore
In every town and village,
And women students by the score
All set my senses thrilling.
I call them all "*my dear*", "*my dove*'
With ardour bold and dashing—
There are a hundred girls I love
All with an equal passion.

Why do you glare at me again
As at an enemy?
"I'm one among a hundred, then?
Thank you for telling me!"

No, wait! The hundred, can't you see,
Have in your presence grown.
A hundred girls you are to me

Когда бежал я у села
Мальчишкой босоногим,
Ведь это ты с кувшином шла
По узенькой дороге.
А в городе, средь суеты,
Где Каспия прибой,
Не замечала разве ты,
Как шел я за тобой?
Потом — ты помнишь стук колес
И поезд, что в Москву нас вез?
Сто девушек — то ты сама,
Ты их вместила всех,
В тебе — и лето и зима,
В тебе — печаль и смех.
Порой ты равнодушная,
Бываешь злой — не скрою,
Порою ты послушная
И нежная порою...
Куда бы ни летела ты,
Я за тобой летел,
Чего б ни захотела ты,
Добыть тебе хотел.
С тобою шли мы по горам,
Где туч стада лежали,
И к самым разным городам
Мы вместе подъезжали.

Я в сотню девушек влюблен
С одной и той же силой...
Тебя, любовью окрылен,
Сто раз зову я «милой».

В тебе сто девушек любя,
В сто раз сильней люблю тебя!

And I am yours alone.
That time when I was wandering
A barefoot country boy,
It's you I met beside the spring,
Who woke my heart to joy.

And in that city by the sea,
Where salty breezes blew,
You surely must remember me,
The youth, who followed you?
You surely must recall the sound
Of racing train-wheels, Moscow-bound?
You are a hundred girls in one
And all of them embrace.
In you I find both grief and fun,
Rough winter, summer grace.
Sometimes you are indifferent
And cruel, I confess,
At other times—obedient
And purest gentleness.
Wherever you have wished to fly,
I followed in your wake.
Whatever took your fancy, I
Acquired for your sake.
We've visited the silent hills,
Where clouds caress the heather,
[illegible]

All with an equal passion...
It's you I call "my dear", "my dove"
With ardour bold and dashing.

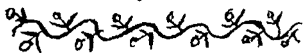
I love a hundred girls, it's true,
But every one of them is you!

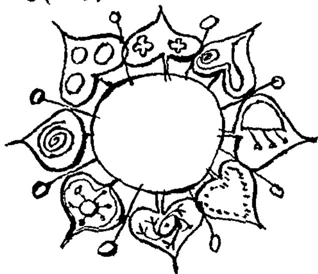

INSCRIPTIONS

НАДПИСИ НА ДВЕРЯХ И ВОРОТАХ

* * *

Хоть дом мой в стороне,
Но все же сделай крюк
И загляни ко мне,
Мой незнакомый друг.

* * *

Вас в этом доме, люди гор,
Ничто не огорчит,
Здоровы все, а тех, кто хвор,
Приход ваш исцелит.

* * *

Прохожий, не стучи, хозяев не буди,
Со злом пришел — уйди, с добром
пришел — входи.

ON DOORS AND GATES

* * *

Unknown friend,
Come and stay
Though it's out
Of your way!

* * *

Come, hill folk, please knock!
Rest here with assurance!
We're well. If we're not,
Your coming will cure us!

* * *

Don't knock, don't rouse the household,
You who pass this way!
If good you bring us, enter!
If evil, go away!

* * *

Здесь облегченье ты найдешь
Печалям и недугам,
Ты добрым гостем в дом войдешь —
Уйдешь хорошим другом.

* * *

Я — джигит, и есть одна лишь
Просьба у меня:
Не входи, коль не похвалишь
Моего коня.

* * *

Here you'll find a place to rest,
Your troubles here you'll mend.
Enter as a welcome guest,
Depart a lasting friend!

* * *

Note, outsider, I'm a rider
And one rule enforce:
If you enter here, remember—
You must praise my horse!

НАДПИСИ НА МОГИЛЬНЫХ КАМНЯХ

* * *

Он мудрецом не слыл
И храбрецом не слыл,
Но поклонись ему:
Он человеком был.

* * *

Лежащий здесь недолгий прожил век;
Неведомо, где жил он, что он знал,
Известно только: был он человек,
Родился — плакал, умирал — стонал.

* * *

С неправдою при жизни в спор
Вступал джигит.
Неправда ходит до сих пор,
А он лежит.

* * *

He was no sage,
No superman.
But bow to him:
He was a man.

* * *

Life he enjoyed but for the briefest span;
Address and occupation are unknown.
All that we know is that he was a man
Who, being born, did cry, and dying, moan.

* * *

This horseman drew his sword
To conquer Ill,
Which does still walk abroad
While he lies still.

* * *

Эй, трус, не радуйся, что пал,
Что спит в земле герой.
Свою винтовку и кинжал
Он не забрал с собой.

* * *

Не собрал ни казны, ни скота, ничего
Бедный горец, лежащий под этим холмом.
Где-то песни поют — это песни его.
Где-то песни поют — это песня о нем.

* * *

Был у невесты выбор не велик:
Могильный камень или муж — старик.

* * *

Здесь спит храбрец джигит,
А храбрость жить осталась.

* * *

Hey, coward! By this hero's grave
Forbear to raise a cheer.
He was bereft of life, but left
His gun and dagger here.

* * *

The hillman lying here below this mound
Amassed no gold, no sheep, not anything;
[illegible]
[illegible]

* * *

She had to choose, young lady of the house,
A gravestone or, poor thing, a grave old spouse.

* * *

Here lies a rider brave!
His bravery lives on.

Трус тоже где-то спит,
А трусость жить осталась.

* * *

Живой, пусть все черно в твоей судьбе,
Утешься, брат, мне хуже, чем тебе!

* * *

Дороги строим мы, но вот беда:
Дороги все приводят нас сюда.

* * *

Певец земли родной,
Я сплю в могиле тесной!
Кто рядом спит со мной?
Мне это неизвестно!

And here's a coward's grave—
And cowardice lives on!

Don't curse your fortune, passer-by!
You are more fortunate than I.

A thousand roads you build, but one thing's clear:
Whichever road you take, you end up here!

A bard of earth, I died
And now lie here.
Who's lying at my side?
I've no idea!

НАДПИСИ НА КИНЖАЛАХ

* * *

Приняв кинжал, запомни для начала:
Нет лучше ножен места для кинжала.

* * *

Хоть солнце будет жечь его огнем,
Кровь никогда не высохнет на нем.

* * *

Чтоб владеть кинжалом, помни, друг,
Голова куда нужнее рук.

ON DAGGERS

* * *

My friend, if ever you bequeath
A dagger, don't forget the sheath!

* * *

However hot the sun on high,
Blood on this blade shall never dry.

* * *

Of men who bear a knife 'tis said:
More than their hand they need their head.

* * *

Кинжал в руках глупца —
Нетерпелив.
В руках у мудреца —
Нетороплив.

* * *

Есть бритва для усов, а для дубов топор.
Не вынимай кинжал напрасно, житель гор

* * *

И жалко мне всегда того,
Кто мной уже убит.
И ненавижу тех, кого
Убить мне предстоит.

* * *

Клянясь, за рукоять держись,
Но острием его клянись.

* * *

A fool draws in a trice.
A wiser man thinks twice.

* * *

Trim your whiskers with a razor,
Fell your timber with an axe,
But don't be a trouble-raiser—
Sheathe your dagger, and relax!

* * *

After I kill a man,
I mourn his fate.
Before I kill,
I only hate.

* * *

Swear thou wilt
By my hilt!
Keep thy pledge
By my edge!

* * *

Однажды где-то пролитая кровь
Кинжалы точит, чтоб пролиться вновь.

* * *

Тем он страшен, тем он жуток,
Что не понимает шуток.

* * *

Кинжал горяч, бывает,
Хоть холоден как лед.
Детей он не рождает,
Но создает сирот.

* * *

Wherever human blood be shed in feud,
It whets a knife and bloodshed is renewed.

* * *

Taunt me not with truth or rumour—
Daggers have no sense of humour!

* * *

Spring-feverish and wild,
Or keen and cold as ice,
A knife begets no child
But orphans—in a trice.

НАДПИСИ НА ВИННЫХ РОГАХ

* * *

Да здравствуют люди пьющие,
Наливающие и осушающие,
Дающие и берущие,
Знающие толк в вине и незнающие.

* * *

Ну что ж, пусть славится вода,
И честь ей и хвала.
И все ж не для воды сюда
Я взят со лба вола.

* * *

Кто пил вино, ушел, кто пьёт, уйдёт,
Но разве тот бессмертен, кто не пьёт?

ON WINE HORNS

* * *

Here's to the drinkers of wine
Who pour and adore it,
Explore all the lore of the vine
Or blithely ignore it!

* * *

Praise water that may gratify
A shepherd's thirsty flocks!
But it was not for water I
Was wrested from the ox.

* * *

Men drank and died, still drink—and die.
But shall Death pass non-drinkers by?

* * *

Давайте пить, коль пьется,
А повод пить найдется.

* * *

Хоть ты и сам себе налил
И запершись, хлебнул,
А все равно о том, что пил,
Узнает весь аул.

* * *

Порой не знает даже бог
Того, что слышал винный рог.

* * *

Как хочешь пей — помалу иль помногу,
Но так, чтоб к дому не забыть дорогу.

* * *

Come drink, procrastinator,
We'll find a reason later!

* * *

Though you withdraw and lock the door
To drink your wine alone,
Ere shadows fall, to one and all
The *secret fact is known.*

* * *

All that is said when good wine flows,
Better than God, the wine horn knows.

* * *

Drink your fill of fragrant foam
But don't forget the way back home!

* * *

Тот пьет вино, кому запрещено,
И тот, кто запрещает пить вино

* * *

От дождика — трава,
От выпивки — слова.

* * *

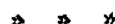
Мудрец порой глупеет, если пьет. .
Бывает, впрочем, и наоборот.

* * *

Ты льешь вино и пьешь,
Как царь и повелитель,
Постой, еще поймешь,
Что ты его служитель.

A ban on drink won't stop a drinking man,
Nor does it stop the authors of the ban.

Rain swells the stalk,
And wine, our talk.

A wise man drank, into a fool he grew.
The opposite has often happened, too.

You pour the wine and drink it like a king,
But soon discover you're its underling!

* * *

Тот пьет вино, кому запрещено,
И тот, кто запрещает пить вино.

* * *

От дождика — трава,
От выпивки — слова.

* * *

Мудрец порой глупеет, если пьет...
Бывает, впрочем, и наоборот.

* * *

Ты льешь вино и пьешь,
Как царь и повелитель,
Постой, еще поймешь,
Что ты его служитель.

* * *

A ban on drink won't stop a drinking man,
Nor does it stop the authors of the ban.

* * *

Rain swells the stalk,
And wine, our talk.

* * *

A wise man drank, into a fool he grew.
The opposite has often happened, too.

* * *

You pour the wine and drink it like a king,
But soon discover you're its underling!

* * *

Наполнен рог — быстрее осуши.
Рог опустел — наполнить поспеши.

* * *

Пить можно всем,
Необходимо только
Знать, где и с кем,
За что, когда и сколько.

* * *

Full of wine? Uptilt it!
Empty? Swiftly fill it!

* * *

Wine suits all men, it's such
A pleasure to consume.
But you must know how much,
Why, when, where, and ... with whom.

НАДПИСИ НА УНЦУКУЛЬСКИХ ПАЛКАХ

* * *

Когда с коня сойдешь ты, лишь она
Одна тебе заменит скакуна.

* * *

Хоть и веселый на ней узор,
У тех, кто с нею, печален взор.

* * *

Хозяин бедный мой,
Ты почестей достоин,
Ты иль старик седой,
Или калека-воин.

* * *

When you can no longer ride,
I'll go jogging at your side.

* * *

Though with inlay bright I'm clad,
Those who walk with me are sad.

* * *

Honour is due and reverence
To you whose weight I shoulder,
You're either well advanced in years
Or else a wounded soldier.

Шумела я листвою,
Была я молодой.
Теперь грущу с тобою
О юности былой.

Я ноги для безногого
Джигита-храбреца.
Глаза я для убогого
Слепца.

* * *

I share your grief
For days gone by
When limb and leaf
Were young and spry.

* * *

For a poor blind man
I am an eye.
For a legless one
A leg am I.

НАДПИСИ НА АНДИЙСКИХ БУРКАХ

* * *

Шла храбрецу она и мудрецу.
Посмотрим, будет ли тебе к лицу.

* * *

Поскачет в ней герой
И в путь, и в смертный бой.
На ней он неживой
Воротится домой.

* * *

Тебе и в бурю и в метель
Она и крыша и постель.

* * *

Она хоть и черна, но не дает тепла
Тем людям, чья душа черна, а не бела.

* * *

Though black, I don't impart
Warmth to a blackguard's heart.

НАДПИСИ НА СЕДЛАХ

* * *

Сиди в седле, покуда не состаришься
Иль наземь, под ноги коню, не свалишься.

* * *

Храбрец или сидит в седле,
Иль тихо спит в сырой земле.

* * *

Джигит, не примеряй меня
К спине не своего коня.

ON SADDLES

* * *

Sit on your horse until you fumble
Or from a mortal wound you tumble.

* * *

Seek a brave man on his horse
Or asleep beneath the gorse.

* * *

Before the girth you loosen, rider, pause:
I shall not fit a horse that is not yours.

* * *

Тебе расти в седле, в седле мужать,
Оно тебе подушка и кровать.

* * *

Here shall you grow into a man:
Your cushion and your bed I am!

НАДПИСИ НА ОЧАГАХ И КАМИНАХ

* * *

Куда бы ни был брошен ты судьбой,
Его тепло ты унесешь с собой.

* * *

Беда тебе, кунак,
Чье сердце не стучит.
Беда тебе, очаг,
Где пламя не горит.

* * *

И если мой огонь погас,
Жалейте не меня,
А тех, сидевших столько раз
У моего огня.

ON HEARTH STONES

* * *

However far abroad you roam,
You bear with you the warmth of hearth
and home.

* * *

Ill-fated is a friend
Whose heart is still.
Ill-fated is a hearth
Whose ash is chill.

* * *

Don't pity me if here
You find no flame,
But those who to this hearth
For comfort came.

* * *

Когда ногам тепло,
И на душе светло.

* * *

Вам так нигде тепло не будет, кроме
Как здесь, у очага в отцовском доме.

* * *

Недаром начинаются
С детства, с очага
Сказки, что кончаются
Гибелью врага.

* * *

Warm hands and knees
Your heart will ease.

* * *

You'll never feel a warmer glow
Than gives the hearth which saw you
grow!

* * *

Never in vain
Are fireside stories told
About invaders slain
By heroes bold.

НАДПИСИ НА КОЛЫБЕЛЯХ

* * *

Пусть дремлющему здесь хороший сон приснится.
Пусть будет суждено приснившемуся сбыться.

* * *

Шумлив ребенок твой,
Ты не уснешь, ну что ж —
Ты тоже был такой,
Он на тебя похож.

ON CRADLES

* * *

May happy dreams appear to you
And just as happily come true.

* * *

The child won't let you sleep
For tears and merry laughter?
You, too, did howl and cheep—
It's you the child takes after.

НАДПИСИ НА СКАЛАХ

* * *

В час горя плачь, герой,
Нельзя иначе.
Ненастною порой
И скалы плачут.

* * *

Отвага на скалу взбиралась,
Отчаянье с нее бросалось.

* * *

Любовь джигита, мужество орла
Не спрашивают, высока ль скала.

ON ROCKS

* * *

Weep, stricken hero, weep
And have no fear!
A rock, too, has been seen
To drop a tear.

* * *

Courage reached the summit,
Despair leapt from it.

* * *

An eagle or a warrior who's in love
Will never ask how high the rock above.

OCTAVES

* * *

Восьмистишие — восемь строк,
Восемь речек родимых нагорий.
Путь к поэзии, к морю далек,
Я желаю вам выйти к морю.

Восьмистишие — восемь строк,
Восемь юношей горного края,
Исходите вы сто дорог,
Горских шапок своих не теряя.

* * *

An octave is eight lines of verse,
Eight streams of poetry flow.
Many a mile may you traverse
And reach the sea below!

An octave is eight lines of verse,
Eight youths from mountains high.
May you a hundred roads traverse
And ever storm the sky!

* * *

Долго я ходил по белу свету,
Видел много совершенных книг,
А сама великая планета —
Рукопись, вернее, черновик.

Сколько в ней неправильных заглавий,
Сколько строчек заключают зло!
Вот бы все изъяны в ней исправить,
Все переписать бы набело.

* * *

Travelling the world, I've gathered
Splendid books to grace my shelf,
And it seems to me our planet
Is a manuscript itself.

There are chapters wrongly headed,
Others infamy contain.
Would the faults could be amended
And fair copies penned again!

* * *

Качает горный ветер колыбели,
Аульским малышам который век
Слагают колыбельную метели,
И снег лавин, и волны горных рек.

Пусть будут наши дети удальцами,
Пусть славы дагестанцев не чернят.
Орлы, парившие над их отцами,
Над маленькими горцами парят.

* * *

A mountain breeze his cradle rocks.
A torrent racing by,
And avalanche's thudding shocks
Provide the lullaby.

May our grown sons as bravely ride
As mountaineers of yore,
And eagles with an equal pride
Above them wheel and soar!

* * *

Если вдруг и я металлом стану,
Не чеканьте из меня монет.
Не хочу бренчать ни в чьих карманах,
Зажигать в глазах недобрый свет.

Если суждено мне стать металлом,
Выкуйте оружье из меня,
Чтобы мне клинком или кинжалом
В ножнах спать и в бой лететь, звеня

* * *

Should I ever turn to metal,
Money from it do not mint!
In a purse I'd hate to settle,
Setting greedy eyes a-glint.

If fate wills this transformation,
Forge a dagger out of me:
Sheathed, I'll relish meditation,
Roused, I'll rout the enemy.

* * *

Мы приходим, словно поезда.
Попыхтим и в путь уходим дальний.
Остановка «Жизнь», ты, как всегда,
Всех встречаешь суетой вокзальной.

Вот и я пришел, но скоро срок,
Скоро вдаль меня умчит дорога.
Красный станционный огонек,
Мой отход отсрочь хоть немного.

* * *

Like steam-locos we arrive,
Puff awhile, then off we go
From the railway station Life,
With its bustling to and fro.

All too soon one day, one night
I shall have to glide away.
Do not change to green, red light,
My departure time delay!

* * *

Ты, время, вступаешь со мной в рукопашную,
Пытаешь прозреньем, караешь презреньем,
Сегодня клеймишь за ошибки вчерашние
И крепости рушишь — мои заблужденья.

Кто знал, что окажутся истины зыбкими?
Чего же смеешься ты, мстя и карая?
Ведь я ошибался твоими ошибками,
Восторженно слово твое повторяя!

* * *

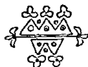
Time, you oppress me and cruelly test me
With sad revelation and scorn.
Today it's with yesterday's faults you invest me,
My forts of illusion you storm.

[illegible] truths would be shaken?
[illegible] me?
[illegible] e one you had taken,
Your words I re-echoed in rhyme!

* * *

Трудно ли пойти на подвиг правый!
Подвиг — это миг, но жизнь прожить
Так, чтоб быть своей достойным славы,
Тяжелей, чем подвиг совершить!

Трудно ль стать предателем иль вором!
Миг паденья краток, но потом
Тяжело стереть клеймо позора
Или жизнь прожить с таким клеймом!

* * *

Great courage in the heat of strife
Is swiftly shown, but all one's life
To live up to a hero's fame
Is harder than to win the name.

It's simple to become a thief
Or traitor, for the lapse is brief;
But hard to wash the stain away
Or bear it to one's dying day!

* * *

«Что же молчишь ты, заброшенный дом,
Или меня узнаешь ты с трудом?
Дом, возведенный руками отца,
Что своего не встречаешь птенца?»

Камни сказали: «Пойми наконец,
Что нам за радость, неумный птенец,
Если под крышу родного гнезда
Гостем ты на день влетишь иногда».

* * *

Old stone house my father built,
Empty now and icy,
I was once your nestling shrill.
Don't you recognise me?

"I can see you're back again.
But what pleasure is it
If you come just now and then
On a flying visit?"

* * *

Мой сосед, глаза прищурив карие,
Говорил, мы слушали рассказ. —
Вдруг с кувшинами горянка старая
Тяжко прохромала мимо нас.

И тогда старик, рассказ свой комкая,
Взглядом ту старуху до угла
Проводил и прошептал вдогонку ей:
«До чего же хороша была!»

* * *

My neighbour in a lively tone
Was telling us a story,
When past us came a village crone
With fingers bent and horny.

The story-teller turned his head,
Attentively and mutely
He watched her go, then softly said:
"Ah, she was such a beauty!"

* * *

Утро и вечер, солнце и мрак —
Белый рыбак, черный рыбак.
В мире как в море; и кажется мне:
Мы, словно рыбы, плывем в глубин

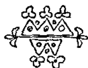
В мире как в море; не спят рыбаки,
Сети готовят и ладят крючки.
В сети ли ночи, на удочку дня
Скоро ли время поймает меня?

* * *

Morning and evening, noonday and night,
Fisher of darkness, fisher of light.
The world is an ocean: I fancy that we
Are swimming like fish in the depths of tne sea.

An ocean the world is: the fishermen wait,
Spreading a net and preparing the bait.
How—and how soon—shall Time bear me away?
In the net of the night? On the hook of the day?

* * *

Я вновь пришел сюда и сам не верю.
Вот класс, где я учился первый год.
Сейчас решусь, сейчас открою двери.
Захватит дух, и сердце упадет.

И босоногий мальчик, мне знакомый,
Встав со скамьи, стоявшей в том году
Навстречу побежит ко мне, седому.
И этой встречи я боюсь и жду.

* * *

I pause before the classroom door
Through which I passed, a child.
I smooth my hair, now grey and rare;
My sober heart runs wild.

From my old desk a boy will rise
And come to welcome me!
That's why there's panic in my eyes...
And curiosity.

* * *

Я вижу детство, что прошло давно,
С улыбкой и слезинкой на реснице.
Я сколько бы ни звал его, оно
Вновь не придет ко мне, не возвратится.

Я вижу старость, вижу впереди,
Молчащую в предчувствии тревоги.
Я сколько б ни кричал ей: «Уходи!» —
Стоит, седая, на моей дороге.

* * *

My childhood days are far behind,
In vain I cry and yearn.
No plea and no appeal of mine
Can make those days return.

I see old age ahead of me,
A heavy load he bears.
In vain I cry: "Please let me be!"
He blocks my way and stares.

* * *

Даже незаметные песчинки
Ногу до крови сотрут в пути,
Попадут в чарыки иль ботинки —
Вытрясай, а то нельзя идти.

Я, мой друг, стихов твоих до точки
Дочитать не мог, сказал: «*Уволь*».
Неуклюжие слова и строчки,
Как песчинки, причиняют боль.

* * *

A tiny grain of sand will bruise
Your feet and make them bleed.
If you do not shake out your shoes
You'll find you can't proceed.

I tried, dear friend, to read your verse
But had to stop half-way,
For clumsy words and lines hurt more
Than shoesand any day.

* * *

Слава, не надо, не трогай живых,
Что ты о людях знаешь?
Даже сильнейших и лучших из них
Ты иногда убиваешь.

Слава, ты мертвым нужней, чем живым,
Им ты не помешаешь.
Мертвых горячим дыханьем своим
Ты навсегда воскрешаешь.

* * *

Fame, go away, leave the living alone!
What do you know about people?
Even for great men who stand on their own
Laurels are frequently lethal.

Fame, my advice to you is: help the dead!
They need your prompting paternai.
Your spur won't kill but will give them instead
A life and a glory eternal.

* * *

«Ты играть разучилась, зурна.
Где былая певучесть и сила?»
«Нет, как исстари, песня звучна,
Это уши тебе заложило».

«Ты, зурна, мне теперь не мила,
Ты поешь равнодушней, чем пела».
«Я осталась такой, как была,
Это сердце твое очерствело!»

* * *

Lute, where are the clear and clever
Airs you used to strum?
"I play now as well as ever,
Friend, it's your ears hum."

Lute, why does the music falter,
Seem [illegible] wearisome?
[illegible]
[illegible]

* * *

Не вечным мне кажется наш небосвод.
Он шатким и ветхим порою мне кажется.
Порою мне кажется: небо вот-вот
Падет мне на голову всей своей тяжестью.

Но высятся горы, и я защищен
Вершинами горными, горными кручами,
Они подпирают собой небосклон,
Как старую кровлю опоры могучие.

* * *

The firmament by no means all
The time appears so firm.
I'm terrified lest it should fall
And crush me like a worm.

But, looking at the mountain-tops,
I realise I'm proof
From accident, for they, like props,
Support the heaven's roof.

* * *

«Где же ты, счастье, где светлый твой лик?»
«Я на вершинах, куда не всходил ты!»
«Где же ты, счастье? Вершин я достиг».
«В реках, в которых покуда не плыл ты!»

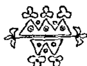
«Где ты? Я тысячу рек переплыл».
«В песнях, которые завтра ты сложишь!»
«Где ты? Я песню тебе посвятил».
«Я впереди! Догони, если можешь!»

* * *

Where are you, Happiness? Show yourself! Speak!
"Up in the mountains, here on the summit."
Happiness, where? I've ascended the peak.
"Down in the torrent—you haven't yet swum it."

Where are you now? Many torrents are past.
"I'm in the lines you shall write." Don't forsake me!
Look, here they are! Show your face now—at last!
"I'm way ahead. You may yet overtake me!"

* * *

— Эй, кошка, бежишь ты куда-то опять?
— Бегу от собаки, что гонит меня!
— Эй, пес, кто тебя заставляет бежать?
— Охотничий посвист и топот коня.

— Эй, конь, отчего твой стремителен бег?
— Вздымается плеть седока надо мной!
— А ты целый век что спешишь, человек?
— Когтит меня время, трубя за спиной!

* * *

Cat, whither rushing up hill and down dale?
"Away from the dog that is chasing my tail!"
Dog, what is driving you, I'd like to know?
"The pounding of hooves and a loud tally-ho!"

Horse, why so fast, at so cruel a pace?
"The rider is lashing me, making me race!"
Man, must you gallop with never a pause?
"Time rushes after me, baring its claws!"

* * *

По свету кочевать случалось мне,
Меня три дня пленяла заграница.
А на четвертый день я, как во сне,
Все видел дом родной, родные лица.

Меня пленяли первые три дня
Чужая речь и стон чужого моря.
А после слышался мне храп коня,
И птичий гам, и речь родных нагорий.

* * *

For three whole days I wined and dined
At ease in foreign places,
But on the fourth day how I pined
For home and homely faces!

For three days foreigners' discourse
Retained its fascination,
But on the fourth I sought my horse
And hill folk's conversation

* * *

В старину писали не спеша
Деды на кинжалах и кинжалами
То, что с помощью карандаша
Тщусь я выразить словами вялыми.

Деды на взлохмаченных конях
В бой скакали, распрощавшись с милыми,
И писали кровью на камнях
То, что тщусь я написать чернилами.

* * *

Our ancestors, not pressed for time,
On daggers and with daggers wrote
What I today in feeble rhyme
Endeavour with my pen to note.

"Farewell!" their horses' hooves would thud.
The riders never paused to think
But fought, and wrote on stone with blood
What I attempt to write in ink.

* * *

Я не ожидаю в тишине,
Не зову единственного слова,
Пусть оно само придет ко мне,
Как слеза — не ожидая зова.

Пусть оно придет нежданно, вдруг
Упадет на белую страницу.
Так единственный мой близкий друг
Входит в дом и в двери не стучится.

* * *

I do not wait upon a word,
Nor beg it to be written.
It must come willingly, unspurred,
As does a tear—unbidden;

It must come unexpectedly
To the expectant pages
As, unannounced, a friend drops in
Whom I have known for ages.

* * *

Есть три заветных песни у людей,
И в них людское горе и веселье.
Одна из песен всех других светлей —
Ее слагает мать над колыбелью.

Вторая — тоже песня матерей.
Рукою гладя щеки ледяные,
Ее поют над гробом сыновей...
А третья песня — песни остальные.

* * *

There are three songs people treasure,
Songs to which they smile or cry:
First, a song of deep-felt pleasure,
Is a mother's lullaby.

Second is the song that, stroking
Her dead son's cold cheek and breast,
A mother sings, from sorrow choking...
Third and last—come all the rest.

Ты не гляди так гордо на меня,
И я бываю гордым с гордецами,
Гордясь, что сам могу седлать коня,
Пахать и сеять этими руками.

Что сердце бьется у меня в груди,
И песня, и любовь к родному краю.
Ты на меня так гордо не гляди,
Сам с гордецами гордым я бываю.

* * *

Don't stare at me so proudly there!
For I, too, can be proud,
Proud I have saddled my own horse
And proud I've sown and ploughed.

My heartbeat never falters,
I'm a patriot avowed.
Don't stare at me so proudly there!
For I, too, can be proud.

* * *

Разбуженный любовью на рассвете,
Пишу стихи о милой, но она
К ним равнодушна и в минуты эти
Лежит в объятьях сладостного сна.

Всю ночь не льну я головой к подушке.
Пишу во гневе, недруга кляня,
А недруг веселится на пирушке,
Не вспоминая даже про меня.

* * *

With tender thoughts at dawn I rise
To write a poem for my love,
But she, asleep, ignores my sighs
And breathes as gently as a dove.

I do not sleep all night: I write
In rage against my enemy,
But he makes merry, having quite
Forgotten he offended me.

* * *

Горной речки глупая вода,
Здесь без влаги трескаются скалы,
Почему же ты спешишь туда,
Где и без тебя воды немало?

Сердце, сердце, мне с тобой беда,
Что ты любящих любить не хочешь?
Почему ты тянешься туда,
Где с тобою мы нужны не очень?

* * *

Mountain stream, it's lack of rain
Splits a rock asunder.
Why bear moisture to the plain
Where it is abundant?

Spurning those who love you so,
Heart of mine inconstant,
Why are you so keen to go
Where we're both unwanted?

* * *

Я возраст свой забыл, зачем же мне
Твердишь, что я седой, а ты моложе?
Кто знает, может, в этой седине
И молодость твоя повинна тоже.

Меня не надо старостью корить,
Напоминать о возрасте бесцельно.
Жестоко раненому говорить
О том, что рана у него смертельна.

* * *

Why drag the fact up every day
That you are younger?
To live with you and not go grey
Would be a wonder!

To censure me for being old
Is cruel, futile....
Come, need a wounded man be told
His wound is fatal?

* * *

Напрасно плачешь ты, меня ревнуя,
Несправедливо ты меня коришь.
Я, может быть, и вспомню ту, другую,
Когда ты мне обиду причинишь.

Верь, не она — хоть ты ее не хвалишь —
В моей судьбе играет злую роль.
Она и помнит обо мне тогда лишь,
Когда другой ей причиняет боль.

* * *

In vain you cry with jealousy
Your charges are unjust.
The very fact you rail at me
Awakes my wanderlust.

The woman, at whose name you wept,
Is not a vicious flirt
And never thinks of me—except
When she, like me, is hurt.

* * *

Не верю в чудеса и в провидение,
Но пусть вступает смерть в свои права,
Пускай возьмет меня в свои владения
И, взяв, отпустит года через два.

Чтоб, возвратившись из предела дальнего,
Я мог оставленное оглядеть,
К тебе вернуться, если ты печальная,
А если нет, так снова умереть.

* * *

I don't believe in miracles.
Still—let Death claim its due
Provided, love, it sends me back
Within a year to you.

A visitor from faraway,
I'll knock upon your door.
If you need comforting, I'll stay;
If not, I'll die once more.

* * *

Кругом говорят, я в любви тороват,
Кругом говорят, погулял я немало.
С одной, говорят, и с другой, говорят,
Грешил, говорят, добавляют: «Бывало!»

Не верь, не грешил я, грешить не умел.
С тех пор как я помню себя, дорогая,
Тебя лишь одну я любил и жалел,
Хоть так и не знаю, кто ты такая.

* * *

They say I am lavish with love, and a rake.
A gallant deceiver, and one of the worst.
They say it's this woman, that woman I date.
They talk of a lapse "and by no means the first".

Don't heed them! I've always been faithful and true,
Though memory go back no matter how far!
I've loved you alone, dear, I love only you,
Though still it's a puzzle to me who you are!

* * *

Без бурки мне случится выйти в путь —
В горах погода портится мгновенно.
Коню случится ногу подвернуть —
И назначают скачки непременно.

Когда я в лес иду, не взяв ружья,
Смелеют птицы, надо мною вьются.
Когда уходят от меня друзья,
Враги наглеют, надо мной смеются.

* * *

Walk abroad and wear no coat?
Down it pours without delay.
My horse is lame again, I note.
Of course!—tomorrow's racing day!

Leave my gun at home? In glee
Geese above my head will flock.
So, when friends abandon me,
Enemies grow bold and mock.

* * *

В горах у нас — так люди говорят —
Была межа границею наделов.
Но если где-то вдруг случался град,
Сметая все, на межи не глядел он.

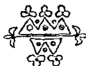
Разделена границами земля,
Но если град иль буря разразится,
Они не спросят, чьи это поля,
И не посмотрят, где идет граница.

* * *

Our hill folk, jealous of their own
Small plots, drew lines of demarcation.
But storms ignored the walls of stone
And everywhere wrought devastation.

Our world, too, has its boundaries
But when hail strikes or thunder flashes
They never ask whose field it is
Nor worry where the frontier passes.

* * *

«Скажи мне, наша речка говорливая,
Длиною в сотни верст и сотни лет:
Что видела ты самое красивое
На этих сотнях верст за сотни лет?»

Ответила мне речка края горного:
«Не знала я красивей ничего
Бесформенного камня — камня черного
У самого истока моего».

* * *

Tell me, timeless river,
Flowing past my door,
What was the most beautiful
Sight you ever saw?

With a smile the river
Wistfully replied:
"The black and clumsy boulder
Round which I ran a child!"

* * *

Как много было юношей лихих
В краю, овеянном огнем суровым.
И ныне плачут, думая о них,
Еще живые матери и вдовы.

Мужают сыновья былых солдат,
И на земле, познавшей дым разрухи,
На юношей с тревогою глядят
Невесты их и матери-старухи.

* * *

So many men were torn away
From us in war's dread sweep...
Remembrance of it to this day
Makes wives and mothers weep.

New grass has grown, and grown are now
The sons of those who died,
And new fears flicker on the brow
Of mother and of bride.

* * *

«Где, горянка, твои наряды,
Что ты ходишь в старом платке?»
«Я нарядам своим не рада,
Все лежат они в сундуке».

«Для чего им, горянка, мяться,
Для того ли они нужны?»
«Тот, пред кем бы мне наряжаться,
Не вернулся ко мне с войны!»

* * *

Woman, wear your gayest dresses,
Put away old scarves and frocks!
"Fine attire my heart distresses
And I keep it in my box."

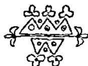
Would you spoil your fine apparel?
Was that what you bought it for?
"No, the man for whom I'd wear it
Never came back from the war."

* * *

И снова наступило утро раннее,
Но солнца нет. Туман покрыл поля,
И, за ночь постарев от ожидания,
Насупилась промокшая земля.

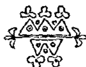
Коснулась тень лица ее сурового.
Земля как мать, которая сынка
Ждала, ждала живого и здорового,
А возвратился конь без седока.

* * *

A new dawn breaks in soft grey light
Without the sun, for thick mist drowns
The field where, ageing overnight,
The earth, forlorn and sodden, frowns.

The earth with clouded brow recalls
A mother who in fond hope waits
To greet her son, but sees his horse
Come empty-saddled through the gates.

* * *

Для чего мне золото и камни,
Что навечно спрятаны в горах?
И звезда на небе не нужна мне,
Коль не светит, прячась в облаках.

Ты хоть много проживи, хоть мало,
Но тебе скажу я, не тая:
Если боль других твоей не стала,
Прожита напрасно жизнь твоя.

* * *

[illegible] onds

Friend, I shall be very brief
Because to me it's plain:
If you spurn another's grief
You live your life in vain.

* * *

У юноши из нашего аула
Была черноволосая жена,
В тот год, когда по двадцать им минуло,
Пришла и разлучила их война.

Жена двадцатилетнего героя
Сидит седая около крыльца,
Их сын, носящий имя дорогое,
Сегодня старше своего отца.

* * *

A young man in the village
Had a wife with raven hair.
When both of them were twenty,
War split the happy pair.

A hero's grey-haired widow,
She has a grown-up son
Now older than his father,
Whose name he carries on.

* * *

Даже те, кому осталось, может,
Пять минут глядеть на белый свет,
Суетятся, лезут вон из кожи,
Словно жить еще им сотни лет.

А вдали в молчанье стовековом
Горы, глядя на шумливый люд,
Замерли, печальны и суровы,
Словно жить всего им пять минут.

* * *

Dying men, who know they've only
Five more minutes in the sun,
Often make a fuss unholy,
As if they'd an age to run!

Mountains ponder the persistence
Of these fools. With bated breath
They stand weeping in the distance
As if facing early death.

* * *

Подрастают маленькие дети,
Что-то страшно мне, а что здесь страшного?
Яблони белы, весна в расцвете,
Что-то страшно мне, а что здесь страшного?

Запускают в облака ракету,
Что-то страшно мне, а что здесь страшного?
Ничего плохого вроде нету,
Кроме страха моего всегдашнего.

* * *

Little children burgeoning
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Rockets racing into space
Frighten me. But what's to fear?
All is in its proper place
Save my ever-present fear.

* * *

Люди, мы утром встаем и смеемся.
Разве мы знаем, что день нам несет?
День настает, мы клянем и клянемся;
Смотришь, и вечер уже у ворот.

Наши сокровища — силу и смелость —
День отнимает у нас, уходя...
И остается спокойная зрелость —
Бурка, надетая после дождя.

* * *

Never knowing what the day will offer,
We awake to laughter at first glow.
Daylight comes: we curse, new vows we proffer
And observe swift evening shadows grow.

Strength and courage—qualities we treasure—
Vanish as the daylight [illegible]. We remain
[illegible]
[illegible]

* * *

Опять дорога, мы всегда в пути.
Я знаю, сколько прошагал и прожил.
А сколько предстоит еще пройти,
Не знаешь ты, и я не знаю тоже.

Опять дорога, вечно мы в пути.
Я вижу цель. Она всего дороже.
А суждено ли до нее дойти,
Не знаешь ты, и я не знаю тоже.

* * *

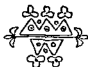
Back on the road again. . . . I know
How far I've walked and what befell.
How many miles remain to go?
Neither you nor I can tell.

* * *

Ночь нудна, как длинная повесть,
Ночь темна, как нечистая совесть.
Как надоедливый гость эта ночь —
Медлит и не уходит прочь.

Ночь у ворот, в доме спят глубоко,
Друг мой идет, он еще далеко.
Жду я, не сплю я всю ночь напролет.
Утро наступит, друг мой придет.

* * *

The night is tedious as prose
And black as turpitude,
Dull as a guest who never goes
But forces me to brood.

The house is sleeping as I write:
A friend is dtawing near.
I'm wide awake and wait all night—
Tomorrow he'll be here!

* * *

Дождь шумит за моим окном,
Гром гремит за моим окном.
Все в душе у меня слилось:
Боль и радость, любовь и злость.

Радость я подарю друзьям,
Песне боль я свою отдам,
Людям буду любовь дарить.
Злость оставлю — себя корить.

* * *

Down my window raindrops pour
And I hear the thunder roar.
Passions set my soul alight:
Joy and Anguish, Love and Spite.

Joy I part with to a friend,
Anguish in my verse expend,
Love I lavish—help yourself!
Spite I leave to chide myself.

* * *

Я у окна сижу дождливым днем.
За стеклами туман; на стеклах капли.
Дождь льет и льет, омыто все дождем:
Вдали хребты, вблизи дворы и сакли.

Невидимо за сеткою густой
Ни то, что далеко, ни то, что ближе.
Льет дождь, и, кроме жизни прожитой,
Закрыв глаза, я ничего не вижу.

* * *

All day it pours. I sit indoors
And through the window pane
Watch houses, streets and distant peaks
Dissolve in mist and rain.

Where can the clear horizon be?
The sky is overcast.
I close my weary eyes, and see
Nothing but the past.

* * *

«Ранние гости недолго гостят», —
У нас говорят в народе.
Любовь еще утром явилась в мой сад,
Уж вечер — она не уходит.

«Я дал тебе, гостья, хлеб и вино,
Скорей уходи, не мешкай!»
«Я не гостья твоя, хозяйка давно», —
Отвечает она с усмешкой.

* * *

"Early guests are early gone!"
Runs a well-known saying.
Love came early. Night draws on.
Love is overstaying.

"Look, you've shared my roof, my wine!
Go now!" Love mid laughter
Says: "This roof is yours and mine
Now and ever after!"

* * *

Люди, почему вы так медлительны?..
Черепахи скупы на движенья,
Их медлительность не удивительна:
Черепахам жить лет сто, не менее!

Люди, почему вы так стремительно
Скачете, как зайцы в чистом поле?
Торопливость их не удивительна:
Зайцам жить всего лет пять, не более

* * *

People, why are you so slow?
A tortoise doesn't rush, I know.
But then he is a cautious beast
Who lives a hundred years at least.

People, why so fleet and fast,
Like a rabbit dashing past?
Surely it's not everyone
Who has but five more years to run!

* * *

Я думал, деревья в цвету белоснежном,
А ближе подъехал — деревья в снегу.
Я думал, ты любящей будешь и нежной,
Попал я впросак, а уйти не могу.

Помчался я тропами горного края
И бурку не взял, а в ущельях дожди.
Моя дорогая, моя ледяная,
Скажи мне, что делать, согрей, пощади!

* * *

I thought all the trees were in lily-white blossom,
But when I rode nearer I found it was snow.
I thought you would love me, be tender and docile—
I blundered again, but I can't leave you now.

I race in the mountains, love's mission fulfilling,
I haven't a coat, wet with rain are the screes.
My precious strong-willed one, my icicle-chill one,
Say what I must do, warm—and pity me, please!

* * *

Ты перед нами, время, не гордись,
Считая всех людей своею тенью.
Немало средь людей таких, чья жизнь
Сама источник твоего свеченья.

Будь благодарно озарявшим нас
Мыслителям, героям и поэтам.
Светилось ты и светишься сейчас
Не собственным, а их великим светом.

* * *

Time, do not brag! We're not all shades
That glimmer in your light!
Many a man among us lives
Whose virtue makes you bright.

Our heroes, bards, philosophers
Illuminate your way.
It's with their splendour—not your own—
You shine each hour and day.

* * *

Дети плачут, а мы не можем
Их спросить и понять почему.
Я сегодня горюю тоже,
Отчего — я и сам не пойму.

Что-то жалобно воет ветер,
Дождик что-то не так идет.
В небе солнце что-то не светит,
У тебя что-то голос не тот.

* * *

Babes cannot say
What makes them cry.
I'm fretting—
Do not ask me why!

The sun and wind
Feel wrong to me,
The rain's unkind,
Your voice off-key.

* * *

Двадцатый век сурово хмурит брови.
Мы — дети века, стыд нам и позор;
Ведь никогда так много лжи и крови
Не проливалось в мире до сих пор.

Двадцатый век устало щурит веки,
Мы — дети века, честь нам и хвала:
Быть может, никогда, как в нашем веке,
Мир не боролся против лжи и зла.

* * *

The twentieth century is grim with rage,
We are disgraceful children in her eyes:
Never before in any time or age
Have men shed so much blood and told such lies.

The twentieth century is tired: she may
Deservedly her children eulogize:
Never so forcefully as in our day
Have men been fighting wickedness and lies.

* * *

Старый друг мой, отнятый войной,
Голос твой я слышу все равно,
А иной живой идет за мной,
Хоть и умер для меня давно.

Верный друг мой, отнятый войной,
Мне тепло от твоего огня,
А иной живой сидит со мной
И морозом обдает меня.

* * *

Although the war took you away,
I feel you more alive
Than many men I meet today,
Who happened to survive.

Dear friend, the war took you away.
Though dead, it's you alone
Who fill my heart with warmth, while they ...
They chill me to the bone.

* * *

Увенчанная белою папахой,
Порой бывает голова пустой.
Порой бывает трусом и от страха
Дрожит владелец сабли золотой.

Кто полными владеет закромами,
И у того бывает жизнь пуста.
И песня с немудреными словами
Бывает настоящей неспроста.

* * *

A man with an imposing hat
May prove to be a fool unbounded,
A man with golden sword and strap,
A timorous, ignoble coward.

The owners of rich flocks and herds
May live poor lives, devoid of feeling,
But simple songs with simple words
May well convey a wealth of meaning.

* * *

Я не хочу тебе петь колыбельной,
Чтоб ты спокойно спала,
Встать я хочу над твоею постелью
И простоять досветла.

Буду я ночью, осеннею, длинной,
Молча хранить твой покой.
Кленом, склоненным над спящей долиной,
Тихой скалой над рекой.

* * *

For lullabies I feel no inclination.
To help you to sleep sound until the morn
I would much rather come and take my station
By your bed's head, and there await the dawn.

Throughout the autumn night, so long in passing,
I'll guard your peaceful slumbers as you dream,
Just as a maple shields a sleeping valley,
Or silent rock protects a mountain stream.

* * *

Жалко парня: дождик все сильней,
Дождь такой, что к ночи не уймется.
Должен парень с милою своей
Встретиться, да, видно, не придется.

Жаль девчонку: у своих ворот
Ждет она, девчонке не до смеха.
Дождик льет, и милый не идет.
Неужели дождь ему помеха?

* * *

Like a river in full spate,
Down it pours. A pity!
For the young man has a date,
And she's very pretty.

Down it pours! She, too, deplores
The inclement season.
Lips grow numb. He doesn't come.
Is the rain the reason?

* * *

В певчих птиц, а в соловьев тем более
Камня не бросайте никогда.
Девушки, своим любимым боли
Вы не причиняйте никогда!

Ты, моя любовь, со мной сурова,
Ты, случайно слово оброня,
Не заметила, что это слово,
Точно камень, ранило меня.

* * *

At song-birds and at nightingales
Do not cast a stone!
Girls, refrain from slighting males
By your callous tone!

You're too hard on me, my dear.
Many hasty words
Give me pain no less severe
Than stones do, striking birds.

* * *

В Хиросиме этой сказке верят:
Выживает из больных людей
Тот, кто вырежет по крайней мере
Тысячу бумажных журавлей.

Мир больной, возьми бумаги тонкой,
Думай о бумажных кораблях,
Не погибни, словно та японка,
С предпоследним журавлем в руках.

* * *

Folk in Hiroshima city

Sick world, come take up your scissors!
This I beg you understand:
Do not die as that poor girl did
With the last but one in hand.

Наш мир — корабль. Он меньше и слабей
Его одолевающего шквала.
И в трюмах много женщин и детей,
А тех, кто может плавать, очень мало.

И если вспыхнет на борту вражда,
И если драку матросня затеет,
Что станет с кораблем, что ждать тогда
Всем слабым, кто плавать не умеет?

* * *

Our world's a ship. The sudden squalls that blow
Upset our frail and tiny vessel's trim.
But women clutch their children down below
And only very few of them can swim.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
Of all the weak and frail who cannot swim?

* * *

Вот Тадж-Махал. На этой башне старой
В далекие столетья при луне
Слагали песни пленницы Акбара
И плакали по отчей стороне.

Те песни и теперь не отзвучали,
Хоть от рожденья их прошли века.
Как долги и длинны пути печали!
Как радости дорога коротка!

* * *

Behold the Taj Mahal. In this old tower,
By moonlight, many centuries ago
The captive women held in Akbar's power
Did weep for home and weave their songs of woe.

The songs still live, their spirit does not languish;
Such melodies the years cannot destroy.
How long and lasting are the roads of anguish!
How brief and fleeting is the path of joy!

* * *

Уж двадцать лет, как двое братьев милых
Погибли в не известном мне краю.
И двадцать лет во сне на их могилах
Я — третий брат — стою и слезы лью.

Весь мир исколесив, сумел понять я:
В любом краю земли, в любой стране
Все люди мира — тоже третьи братья
Погибших и пропавших на войне.

* * *

Already twenty years have passed
Since my two brothers died.
And I—the third—in bitter dreams
Shed tears at their graveside.

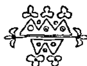
I've learned from travelling to far
And unfamiliar shores:
All living men third brothers are
Of those who died in war.

* * *

Замер орел, распростершийся в небе,
Словно крылами весь мир он объемлет
Руки пошире раскинуть и мне бы,
Всех вас обнять, населяющих землю.

Всех вас, живущих на этих просторах,
Всех, кто смеется, горюет и плачет.
Песни такие бы спеть, от которых
Камни становятся шерстью ягнячьей.

* * *

The eagle halted, hovering
Above the world with outspread wing.
I'd like to spread my own arms wide
And clasp all who on earth reside,

* * *

С туч свинцовых белой стаей
Снег летит апрельским днем,
Но, увидев землю, тает,
Прилетает к ней дождем.

Я к тебе крутой тропою
Шел — сердитый человек,
И растаял пред тобою,
Как в апреле тает снег.

* * *

In late April driving snow
Sweeps in [illegible]
[illegible]
[illegible]

Racing down the mountain path
Angrily to you I go,
But your presence melts my wrath
As the earth does April snow.

* * *

Хоть и давно я слышал сказку эту,
Она мне вспоминается опять:
Взяв за руку, водил по белу свету
Скорбящий сын свою слепую мать.

Он шел и шел и вылечил старуху,
И свет дневной увидела она...
Земля слепая, дай скорее руку,
Пойдем со мною, ты прозреть должна.

* * *

The tale I now recall is one
I heard some years ago.
A blind dame, guided by her son,
Around the world did go.

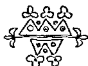
He led her and restored her sight,
Again she saw the day.
Blind Earth, you too must see the light—
Come, let's be on our way!

* * *

В горах дагестанских джигиты, бывало,
Чтоб дружбу мужскую упрочить сильней,
Дарили друг другу клинки, и кинжалы,
И лучшие бурки, и лучших коней.

И я, как свидетельство искренней дружбы,
Вам песни свои посылаю, друзья,
Они — и мое дорогое оружье,
И конь мой, и лучшая бурка моя.

* * *

Our hillmen with a noble gesture
Would seal their friendship at a stroke
By swopping gifts—a blade, a dagger,
A well-loved horse, a well-made cloak.

My friends, the bond of fellow-feeling
With gifts of song I reinforce,
For poetry is my finest weapon,
My best-loved riding cloak and horse.

REQUEST TO READERS

Progress Publishers would be glad to have your opinion of this book, its translation and design and any suggestions you may have for future publications.

Please send your comments to 21, Zubovsky Boulevard, Moscow, USSR.

PROGRESS PUBLISHERS PUT OUT RECENTLY

SMELYAKOV Ya. Work and Love. Selected Poems. With parallel Russian text. 6 sig. (Soviet Poetry Library).

The book is a collection of the best work by the significant Soviet Russian poet, USSR State Prize winner, Yaroslav Smelyakov (1913–1972).

His poetry has been published in translation in most countries of the world, dozens of books and hundreds of critical articles have been written about Smelyakov. But the best summing up of his work was supplied by the poet himself: "My work is of no use whatever for the literary salons and is not intended for connoisseurs of the elegant trifle, since I consciously reject false poetic prettyfication and strive for precision and siccintness ..

"If as a schoolboy I made up poems, I certainly do not make them up now: I write them, I work on them. Behind every one of my poems there is a person, or an event in which I took part. Life itself is full of major and minor poetry, and the poet's task is to see that poetry in life and to record it on paper as skilfully and as faithfully as possible."

The collection has been compiled by the poet's wife and comrade Tatiana Smelyakova.

PROGRESS PUBLISHERS PUT OUT RECENTLY

MIEŽELAITIS E. Cardiogram. Selected Poems. With parallel Russian text. 6 sig. Illustrated. (Soviet Poetry Library)

The Lithuanian poet Eduardas Mieželaitis (b. 1919) belongs to the poetic trend of the twentieth century which is marked by the names of Mayakovsky, Eluard, Khikmet. Mieželaitis is forever seeking new means of poetic expression, bold images and tense rhythms are typical of his work. The first collection of Mieželaitis' verse in an English translation includes poems from his five books of verse: "Man", "Cardiogram", "Air Sketches", "Merry-Go-Round" and "Ilalume".

The forword to the collection has been written by the author specially for Progress edition. The illustrations are by the prominent Lithuanian artist S. Krasauskas.

PROGRESS PUBLISHERS WILL SOON PUBLISH

TURSUN-ZADEH. My Day and Age. Selected Poems. With parallel Russian text. 6 sig. In English (Soviet Poetry Library).

In the small village of Karatag in Tajikistan, the birthplace of Mirzo Tursen-Zadeh (b. 1911), local schoolchildren have made an interesting map. Marked on the map are all the cities and towns in Europe, Asia and Africa where their famous co-villager went on a mission of peace and friendship.

The main message of Mirzo Tursun-Zadeh's work is friendship between all nations on all continents. This is the theme of his poetic cycles "The Indian Ballad", "The Voice of Asia", and "Africa My Sister" represented in this collection. The designer of the book is Georgi Clodt.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Избранные стихотворения

На английском языке
с параллельным русским текстом

poetry of the people and at the same time the work of a contemporary writer who is highly aware of his civic responsibilities.

In 1963 Rasul Gamzatov was awarded a Lenin Prize for his book of verse, "*Lofty Stars*".

His public and social activities are manifold. He is a member of the Presidium of the USSR Supreme Soviet and chairman of the board of the Union of Daghestan Writers. He is active in the work of the Soviet Committee for Solidarity with the Peoples of Asia and Africa and does a great deal for peace and international friendship.